

Ричард Бах

*Иллюзии.
Приключения Мессии
поневоле*

Annotation

Трудно быть Богом... А легко ли быть Мессией в современном мире? Ричард Бах заставил миллионы читателей задуматься над этим, создав «Иллюзии». Когда живешь и думаешь лишь о хлебе насущном, рядом с тобой всегда может находиться такой же человек из плоти и крови, вот только взгляд его будет чересчур внимательным, а среди личных вещей найдется «Карманный справочник Мессии. Памятка для возвысившейся души», в котором будут ответы на все твои вопросы.

- [Ричард Бах](#)
 - [Чайка Джонатан Ливингстон](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Иллюзии. Приключения Мессии поневоле](#)
 - [От автора](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [Эпилог](#)

- [Далеких мест не бывает](#)

Ричард Бах

Иллюзии. Приключения Мессии поневоле

Чайка Джонатан Ливингстон

*Истинному Джонатану — Чайке, живущей в
каждом из нас.*

Часть первая

Было утро, и новое солнце золотом разлилось по испещренной рябью поверхности моря.

Рыбацкая лодка в миле от берега. И зов над водой — это сигнал к завтраку. Большой сбор. Снова и снова раздавался он в воздухе, пока, наконец, тысячи чаек не слетелись в толпу. И каждая из птиц хитростью и силой пыталась урвать кусок пожирнее. Наступил еще один день — полный забот и суеты.

Но Чайки по имени Джонатан Ливингстон не было в толпе. Он тренировался, — вдали от остальных, один, высоко над лодкой и берегом. Поднявшись на сто футов в небо, он опустил перепончатые лапки, поднял клюв и напряженно выгнул крылья, придав им форму жесткой болезненно изогнутой кривой. Такая форма крыльев должна была, по его мнению, до предела замедлить полет. И Джонатан скользил все медленнее и медленнее. Свист ветра в ушах сменился едва слышным шепотом, и океан застыл внизу неподвижно. Прищурившись в чудовищном сосредоточении, Джонатан задержал дыхание. Еще... на один... единственный... дюйм... круче... эту... кривую... Перья его дрогнули, спутались, он окончательно потерял скорость, опрокинулся и рухнул вниз.

Вам, должно быть, известно — с чайками такое не случается никогда. Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость. Это — позор, это — бесчестье.

Однако, Чайка Джонатан Ливингстон не ощущал стыда. Он снова вытянул крылья в жесткую дрожащую кривую — медленнее, медленнее и — опять неудача. И снова, и снова. Ведь он не был обычной птицей. Большинство чаек не утруждает себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться — этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. Но для Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда — это так... Потому что больше всего на свете Джонатан любил летать.

Такой подход к жизни, как обнаружил Джонатан, отнюдь не прибавляет популярности в Стае. Даже родители его были обескуражены тем, что он проводил день за днем в одиночестве, экспериментируя и сотни раз повторяя низкие планирующие спуски.

Он, например, не знал, почему, но когда высота полета составляла

менее половины размаха его крыльев, он мог держаться в воздухе над водой гораздо дольше и с меньшими усилиями. Джонатан никогда не заканчивал планирующий спуск обычным образом — с размаху плюхаясь брюхом на воду, предварительно растопырив лапы. Вместо этого он выполнял длинное плоское скольжение, едва касаясь поверхности воды вытянутыми вдоль тела лапами. Когда он начал практиковать скольжение с приземлением на песчаном берегу, каждый раз с прижатыми лапками все дальше и дальше въезжая на песок, его родители перепугались не на шутку.

— Но почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему так трудно быть таким же, как все? Низко летают пеликаны. И альбатросы. Вот пусть они и планируют себе над водой! Но ты же — чайка! И почему ты совсем не ешь? Взгляни на себя, сынок, — кости да перья!

— Ну и пусть кости да перья. Но я совсем неплохо себя чувствую, мама. Просто мне интересно: что я могу в воздухе, а чего — не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — вовсе не сердитым тоном говорил ему отец.

— Скоро зима, и судов на море поубавится. А рыба, которая обычно живет у поверхности, уйдет вглубь. Так что уж если тебе настолько необходимо что-нибудь изучать, изучай способы добычи пропитания. А твои летные эксперименты — оно, конечно, замечательно, однако, сам понимаешь, планирующим спуском сыт не будешь. Ты летаешь для того, чтобы есть. И не стоит об этом забывать.

Джонатан послушно кивнул. И в течение нескольких дней пытался сделать так, чтобы поведение его не отличалось от поведения всех остальных чаек. Причем пытался честно, по-настоящему принимая участие в игре и возне, которые устраивала Стая в борьбе за рыбы потроха и корки хлеба вокруг рыбацких судов и причалов. Но выработать в себе серьезное ко всему этому отношение Джонатану так и не удалось.

— Нелепость какая-то, — размышлял он, намеренно роняя завоеванную в тяжелой борьбе добычу.

Старая голодная чайка, которая гналась за Джонатаном, подхватила брошенный кусок.

Джонатан подумал:

— Все это время я мог бы потратить на изучение полета. Ведь еще столько всего предстоит узнать!

И потому вскоре Чайка Джонатан снова оказался в море — он учился в одиночестве, голодный и счастливый.

На этот раз объектом исследования была скорость, и за неделю

практики Джонатан узнал о скорости полета больше, чем самая быстрая чайка постигает за всю жизнь.

Отчаянно работая крыльями, он забрался на высоту в тысячу футов и оттуда бросился в крутое пике, несясь вниз навстречу волнам. И тут же понял, почему чайки никогда не пикируют, работая крыльями. Всего за каких-то шесть секунд он набрал скорость в семьдесят миль в час — предел, при котором крыло в момент взмаха теряет устойчивость в набегающем потоке.

Он пытался снова и снова. Он работал на пределе своих возможностей. Он был внимателен и осторожен. Но снова и снова терял управление на высокой скорости.

Подъем на тысячу футов. Горизонтальный разгон в полную силу, затем — работая крыльями — вниз — вертикальное пике. А потом — и это происходило каждый раз — левое крыло не выдерживало. Набегающий поток срывался. Джонатана резко бросало влево, поток срывался и с правого, более устойчивого крыла, и, трепеща подобно пламени на ветру, Джонатан проваливался в немыслимый правосторонний штопор.

Ему явно не хватало точности в обращении со встречным потоком воздуха. Десять раз он пробовал, и все десять раз, едва миновав границу скорости в семьдесят миль в час, терял управление и комком спутанных перьев обрушивался в воду.

В конце концов, когда Джонатан уже промок до последнего перышка, ему в голову пришла мысль: ключ, должно быть, в том, чтобы вовремя прекратить работать крыльями — разогнаться до пятидесяти миль и зафиксировать крылья неподвижно.

Джонатан попробовал еще раз, поднявшись теперь уже на высоту в две тысячи футов. Он разогнался и ринулся прямо вниз, замерев с расправленными крыльями, едва лишь была пройдена пятидесятимильная отметка скорости. Это потребовало от него невероятных усилий, но прием сработал. Через десять секунд после выхода в пике Джонатан преодолел девяностомильную отметку. Мировой рекорд скорости для чаек!

Но радость победы, как и сама победа, оказалась недолгой. Стоило Джонатану попытаться изменить угол атаки крыла для выхода из пике, как его немедленно швырнуло во все тот же катастрофически неконтролируемый штопор. А на скорости в девяносто миль в час это было похоже на взрыв динамитного заряда. Джонатан рухнул вниз, и поверхность океана твердостью была подобна кирпичной мостовой.

Когда сознание вернулось к Джонатану, было уже совсем темно, и он плавал на поверхности моря, мерцавшей в лунном свете. Измочаленные крылья были словно налиты свинцом. Но еще сильнее давила на него тяжесть жестокого поражения, Джонатан питал слабую надежду на то, что навалившийся на его плечи груз окажется достаточным и ненавязчиво увлечет его вниз, ко дну. И со всем этим наконец будет покончено.

Джонатан погрузился глубже в воду, и вдруг где-то внутри его зазвучали глухие раскаты странного голоса:

«Ерунда все это. Я — чайка. Ограниченность — мой удел. Если бы моим предназначением была скорость и столь глубокое постижение искусства полета, тело мое от рождения обладало бы соответствующими особыми свойствами, и тогда ум естественным образом работал бы в нужном направлении. Для скорости полета требуются короткие крылья сокола, а их у меня нет. И питаюсь я холодной рыбой, а не мышами. Прав был отец. Нужно оставить всю эту чушь. Нужно вернуться домой — в Стаю — и быть довольным тем, что я есть. Ибо я — всего лишь жалкая чайка, возможности мои ограничены, и я должен с этим смириться».

Голос умолк. Джонатан был согласен. Ночью место чайки — на берегу. И он дал себе клятву, что с этого самого мгновения он становится нормальной чайкой. Так будет лучше для всех.

Джонатан устало оттолкнулся от поверхности воды и полетел по направлению к земле, благодаря судьбу за то, что успел раньше узнать об экономном режиме полета на малых высотах.

— Ну, нет, — подумал он, — с этим покончено раз и навсегда. И мне нет никакого дела до того, что я знаю. Чайка есть чайка, я — такой же, как все. И летать буду тоже как все.

И Джонатан, преодолевая боль, вскарабкался на стофутовую высоту. Усердно размахивая крыльями, он устремился к берегу.

Он почувствовал облегчение, приняв решение быть одним из Стаи. Ведь тем самым он разрывал свою связь с Силой, заставлявшей его искать знание. Так он избавлялся и от борьбы, и от поражения. Было так приятно просто прекратить думать и молча лететь во тьме к огням, мерцавшим вдали над пляжем.

— **Тьма!** — встревоженно расколол тишину утробный голос. — **Чайки во тьме не летают! Никогда!**

Джонатан почему-то не обратил на голос никакого внимания. Ему

было не до того.

— Хорошо, однако! — подумал он. — Луна, береговые огни, дорожки бликов на мерцающей поверхности воды... Тишина, покой... Хорошо!

— Вниз немедленно! Чайки никогда не летают во тьме! Для этого необходимы врожденные особые свойства! Глаза совы! Короткие соколиные крылья!

И там, в ночи, на высоте сто футов Джонатана вдруг осенило. И вся его боль, и все его окончательные решения — все разом испарилось, словно никогда не существовало.

— Ну да — короткие крылья... **Короткое соколиное крыло!** Вот он — ответ! Надо же быть таким идиотом! Ведь нужно всего-навсего укоротить крыло! Сложить, оставив расправленным только самый кончик. И получатся короткие крылья!

Забыв обо всем, не думая ни о смерти, ни о поражении, Джонатан тут же поднялся на две тысячи футов над черным ночным морем, плотно прижал к телу широкие части крыльев, расправив в набегающем потоке лишь стреловидные заостренные концы, и нырнул в вертикальное пике.

Чудовищный рев ветра в голове... Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать... И по-прежнему — с ускорением! Сто сорок миль в час, а напряжение неизмеримо меньше, чем было при расправленных крыльях на скорости всего в семьдесят. И, слегка изменив угол атаки концов крыльев, Джонатан с легкостью вышел из пике. Подобно серому пушечному ядру, он несясь сквозь пространство лунного света над поверхностью океана.

Джонатан прищурился. Глаза его превратились в узкие щелки. Он был доволен. Сто сорок миль в час! И — полный контроль! А если подняться не на две, а на пять тысяч футов... Интересно, какую скорость...

Клятва, которую он дал себе за несколько минут до этого, была забыта, унесена прочь бешеным ветром. Джонатан нарушил обещание, однако вины за собой не ощущал. Подобного рода клятвы что-то значат для тех, кто приемлет обыденность. Тому же, кто в познании своем коснулся чего-либо исключительного, нет дела до таких обещаний.

Когда взошло солнце, Джонатан тренировался. С пяти тысяч футов рыболовецкие суда казались брошенными на воду щепками, а завтракающая Стая — едва заметным облачком кружащей пыли.

Джонатан ощущал, что живет, он слегка дрожал от радостного чувства удовлетворения и гордился тем, что покорил свой страх. Без долгих приготовлений он сложил предкрылья, расправил короткие острые концы крыльев и нырнул вниз, к поверхности моря. К тому моменту, когда была пройдена высота в четыре тысячи футов, он набрал максимальную

скорость. Встречный поток превратился в плотную твердую стену звука, прорваться сквозь которую не представлялось никакой возможности. Это был предел, двигаться быстрее Джонатан не мог, он неся вертикально вниз со скоростью в двести четырнадцать миль в час. Он в напряжении сглотнул слюну, зная, что расправь он на такой высоте крылья — и его не станет, но лишь миллион мельчайших клочков разорванной взрывом чайки достигнет поверхности океана. Однако в скорости была Сила, и радость, и чистая красота.

Выходить из пике Джонатан начал с высоты в тысячу футов. Концы крыльев с гудением дрожали в бешеном набегающем потоке, судно и толпа чаек метались перед глазами и росли со скоростью метеора, и они находились прямо на его пути.

Остановится Джонатан не мог, свернуть в сторону — тоже. Он просто не имел ни малейшего понятия о том, как это делается на такой скорости.

Любое же столкновение означало мгновенную смерть. И он закрыл глаза.

И тогда, в то утро, сразу после восхода солнца, вышло так, что Чайка Джонатан Ливингстон ворвался в самую середину принимавшей пищу Стаи. На скорости в двести двенадцать миль в час он со свистом пронесся сквозь Стаю — глаза закрыты — этаким снаряд из перьев и ветра. И только потому, что Чайка Удачи улыбнулась ему в этот раз, никто не погиб.

Когда выход из пике был закончен, и клюв его снова оказался направленным в небо, Джонатан по-прежнему мчался вперед, и скорость его полета составляла сто шестьдесят миль в час. А когда она уменьшилась до двадцати, и он смог, наконец, полностью расправить крылья, судно с высоты четырех тысяч футов опять казалось ему брошенной на воду щепкой.

Это был триумф. Он понимал это. Предел скорости! *Двести четырнадцать миль в час!* Величайшее мгновение в истории Стаи — истинный прорыв. А для Чайки Джонатана Ливингстона этот миг означал начало новой эпохи. И он направился к тому месту, где обычно практиковался в полетах. А когда на высоте восьми тысяч футов он сложил крылья для вертикального пике, целью его было освоение скоростного поворота.

Он установил, что при смещении на долю дюйма одного-единственного пера на самом кончике крыла тело на огромной скорости описывает плавную криволинейную траекторию. Но прежде чем Джонатан это понял, он обнаружил другое — смещение более чем одного пера на такой скорости заставляет тело вращаться вокруг продольной оси подобно

винтовочной пуле... Так Джонатан стал первой на земле чайкой, постигшей основы искусства высшего пилотажа.

В тот день у него не нашлось свободного времени на общение с другими чайками. Он тренировался, пока не зашло солнце. Он открыл мертвую петлю, полубочку, бочку, горку, вертикальное колесо.

Когда Джонатан присоединился к Стае, отдыхавшей на пляже, была уже глубокая ночь. Он ужасно устал, кружилась голова, однако он был доволен и, прежде чем приземлиться, описал широкий круг над пляжем, а перед самым касанием земли молниеносно выполнил один полный оборот бочки. Когда он расскажет им обо всем, когда они узнают о Прорыве, они будут вне себя от радости, — размышлял Джонатан. Насколько богаче теперь станет жизнь! Ведь если прежде вся она состояла в унылой суете — берег — судно — берег — то сейчас в ней появляется смысл!

У нас есть возможность выкарабкаться из неведения, нам дано осознать собственную исключительность и разумность. Мы способны обрести свободу. **И мы можем научиться летать!**

Впереди открывались годы радостного бытия, головокружительные возможности и перспективы звучали на все лады и переливались радужным сиянием.

Приземлившись, Джонатан обнаружил, что попал на общее собрание Стаи. Причем, судя по всему, мероприятие началось отнюдь не только что. Более того, Джонатана определенно ждали.

— Чайка Джонатан Ливингстон! — Старейшина произнес эти слова таким тоном, каким говорил только в особо торжественных случаях. — Ты вызываешься в Круг!

Вызов в Круг означал либо всеобщее порицание и величайший позор, либо величайшую честь и всеобщее признание.

— Понятно, — подумал Джонатан, — это по поводу того, что случилось утром во время завтрака. Они видели прорыв! Однако почести мне ни к чему. И в лидеры — тоже не хочу. Мне, пожалуй, только хотелось бы поделиться своими находками, показать всем необозримые возможности, открытые каждому из нас.

И он сделал шаг в Круг.

— Чайка Джонатан Ливингстон! — продолжал Председатель. — Изволь выйти в Круг и подвергнуться порицанию, свидетелями которого надлежит стать всем твоим собратям по Стае.

Это прозвучало подобно грому среди ясного неба. Джонатан вдруг почувствовал себя так, словно его огрели доской по голове. Колени подкосились, перья враз обвисли, и в ушах возник невообразимый шум.

Позор? В Круг — на порицание?! Но это невозможно! Ведь это Прорыв! Они чего-то не поняли! Тут определенно закралась какая-то ошибка! Ну да, они ошибаются, они явно не правы!

— ...ибо величайшего позора заслуживают проявленные тобой беспечность и безответственность, равно как и попрание достойных традиций добропорядочного Семейства Чаек...

Порицание на общем собрании. За этим неминуемо следует изгнание из сообщества чаек. Отлучение от Стаи и ссылка в Дальние Скалы, где уделом изгнанника становится полное одиночество.

— ...и ты — Чайка Джонатан Ливингстон — однажды поймешь, сколь неблагодарной вещью является безответственность. Нам не дано постигнуть смысл жизни. Очевидно же в ней лишь одно: в этот мир мы приходим для того, чтобы питаться и за счет этого как можно дольше в нем существовать...

Тому, кто вызван в Круг, запрещено вступать в дискуссию с общим собранием Стаи, но Джонатан сдержаться не мог.

— Безответственность?! — воскликнул он. — Да что вы, братья?! Какая же тут безответственность — понять, в чем смысл жизни и открыть пути достижения высшей цели бытия? Скорее, наоборот — посвятивший себя этому как раз и проявляет максимум ответственности. Ведь что мы знали до сих пор — тысячелетия свар из-за рыбьих голов... Теперь у нас появилась возможность понять первопричину — постичь, ради чего мы живем. Открытие, осознание, освобождение! Дайте же мне единственный шанс, позвольте показать вам то, что я нашел...

С таким же успехом Джонатан мог взывать к каменной стене.

— Какие мы тебе братья, отступник?! — был ответ, и, словно по команде, все церемонно обратились к нему хвостами, поплотнее зажав предварительно уши.

Остаток своих дней Чайка Джонатан Ливингстон провел в одиночестве, однако отнюдь не в Дальних Скалах, ибо он улетел гораздо дальше. И единственным, что несколько угнетало его, было не одиночество, но отказ остальных чаек поверить в славу полета, их ожидавшую. Они отказались открыть глаза и увидеть!

С каждым днем знание, которым обладал Джонатан, росло. Он обнаружил, что благодаря скоростному пику может добывать редкую и очень вкусную рыбу, ходившую стаями на глубине десяти футов. Теперь он не был больше привязан к таким, казалось бы, жизненно необходимым вещам, как рыболовецкие суда и размокшие корки заплесневелого хлеба. Он также научился спать на лету, не сбиваясь с курса. Это позволило ему

использовать дующий с берега ночной бриз, от заката до восхода преодолевая расстояние в сотню миль. Тот же принцип внутреннего контроля Джонатан применял и для полетов сквозь густой морской туман, постепенно поднимаясь над которым он достигал сияющего неба... в то самое время, когда все без исключения остальные чайки сидели на земле, и уделом их были только дождь и промозглая мгла. А на высотных ветрах Джонатан залетал глубоко вглубь материка, где обитали сухопутные насекомые — подлинное лакомство.

В одиночестве наслаждался он плодами того, что некогда намеревался подарить всей Стае. Он научился летать и не сожалел о той цене, которую ему пришлось заплатить.

Серая скука, и страх, и злоба — вот причины того, что жизнь столь коротка. Осознав это, Джонатан избавил свои мысли от скуки, страха и злобы, и жил очень долго, и был по-настоящему счастлив.

И они пришли — вечером — и нашли его. Он парил один в покое столь любимого им неба. Две чайки появились рядом с ним, и летели крыло к крылу по обе стороны от него. Чистотой своей подобные свету звезды, они мягко сияли во тьме ночного неба, и добротой было исполнено их сияние. Но изумительнее всего было мастерство их полета — расстояние между концами их крыльев и концами крыльев Джонатана при любом движении неизменно оставалось ровно один дюйм.

Не говоря ни слова, Джонатан подверг их проверке — испытанию, которого не смогла бы выдержать ни одна чайка. Он спирально изогнул крылья, сбросив скорость до величины, всего на единственную милю в час превышающей порог срыва. Две сияющие птицы сделали то же самое, положение их по отношению к Джонатану не изменилось при этом ни на йоту, Искусством медленного полета они явно владели в совершенстве.

Джонатан сложил крылья, перевернулся и упал в пике, развив скорость в сто девяносто миль в час. Они спикировали вместе с ним, и форма их устремленных вниз тел была абсолютно безупречна.

И наконец, не сбавляя скорости, он вертикально зашел на широкую мертвую петлю. С улыбкой они проделали маневр вместе с ним.

Тогда он вернулся в режим горизонтального полета. Некоторое время помолчав, он произнес:

— Прекрасно. И кто же вы такие?

— Мы — из Твоей Стаи, Джонатан. Мы — Твои братья, и мы пришли за Тобой. Пора подниматься выше. Пора возвращаться домой.

— Но у меня нет дома. И Стаи — тоже нет. Ведь я — Изгнанник. И, кроме того, сейчас мы парим на самом верхнем уровне Великого Ветра Гор.

И я не думаю, что смогу заставить свое старое тело подняться выше, чем на две-три сотни футов.

— Сможешь, Ибо Ты обрел знание. Одна школа закончена, пришла пора начинать следующую.

И осознание, в течение всей жизни бывшее для Чайки Джонатана далекой путеводной звездой, ярко вспыхнуло в тот же миг. Они были правы. Он может подняться гораздо выше, и время возвращаться домой действительно *пришло*.

Он в последний раз окинул взглядом земное небо и саму землю — дивный серебристый мир, — на которой столь многому научился, А потом сказал:

— Я готов.

И они втроем — Чайка Джонатан Ливингстон и две сияющие подобно звездам птицы — устремились ввысь, чтобы раствориться в совершенстве небесной темноты.

Часть вторая

— Так вот они какие, Небеса, — подумал он и не смог сдержать усмешку в свой адрес. Не слишком-то прилично для только что прибывшего новичка рассматривать Небо оценивающим взглядом.

Джонатан видел: по мере того, как они втроем компактным звеном поднимались все выше и выше над облаками, тело его начинало светиться, постепенно приобретая такую же лучистость, как и у тел сопровождавших его чаек. Конечно, внутри он оставался самим собой — все тем же молодым Джонатаном, который всегда жил за зрачками его искрившихся золотом глаз, однако форма внешнего тела изменилась.

Оно по-прежнему воспринималось как тело чайки, однако летные качества этого тела значительно превосходили те, которыми Джонатан обладал когда бы то ни было прежде, даже во времена, когда он находился в наилучшей форме.

— Интересно, — думал он, — коэффициент полезного действия тела в два раза выше, чем был в лучшие мои дни на Земле! При тех же затратах сил я смогу лететь вдвое быстрее.

Перья его теперь сияли теплым светом, а крылья были гладкими, как полированное серебро. И Джонатан принялся последовательно изучать свойства этих новых совершенных крыльев, постепенно повышая интенсивность работы.

Развив скорость в двести пятьдесят миль в час, Джонатан почувствовал, что близок предел скорости горизонтального полета. А на скорости в двести семьдесят три мили он понял, что быстрее лететь уже не сможет. Это слегка разочаровывало. Возможности нового тела, несмотря на все его совершенство, тоже были ограничены. Конечно, максимальная скорость горизонтального полета теперь существенно превышала прежний личный рекорд скорости Джонатана, однако предел все же существовал — стена, пробиваться сквозь которую предстояло с огромными усилиями.

— Н-да, — подумал он, — а ведь на Небесах как будто не должно быть никаких ограничений...

Но вот облака расступились, и провожатые Джонатана растворились в разреженном тонком воздухе, крикнув напоследок:

— Счастливой посадки Тебе, Джонатан!

Он летел над морем, впереди виднелась изрезанная бухтами полоска скалистого берега. Чайки — их было совсем немного — отрабатывали над

береговыми утесами полет в восходящем потоке. Дальше к северу — почти у самого горизонта — виднелось еще несколько птиц.

— Новые горизонты, новые вопросы, — подумалось Джонатану. — Почему так мало птиц? Ведь на Небе должны быть *стаи и стаи* чаек! И откуда усталость — я как-то вдруг ужасно устал... На Небесах чайки вроде бы не должны уставать. И спать хотеть — тоже не должны.

Интересно, где он об этом слышал? События его земной жизни отшелушивались от сознания, рассыпаясь в прах. Конечно, Земля была местом, где он многое узнал, и знание оставалось при нем. Но подробности событий стерлись — они не имели значения. Так, что-то смутное: кажется, чайки дрались из-за пищи, а он был Изгнанником...

Чайки, тренировавшиеся у берега — их было что-то около десятка — приблизились к нему. Ни слова не было произнесено, однако Джонатан чувствовал: они приветствуют его, и он принят, и здесь — его дом. Подходил к концу день, ставший для Джонатана таким огромным и таким долгим, что даже восход этого дня стерся из его памяти.

И Джонатан повернул к пляжу, взмахнул крыльями, чтобы остановится в дюйме от земли, и легко плюхнулся на песок. Другие чайки тоже приземлились — но без единого взмаха хотя бы одним перышком. С расправленными крыльями они ловили встречный ветер и плавно приподнимались в самом конце спуска, а затем каким-то образом незаметно изменяли кривизну крыла, останавливаясь точно в момент касания земли.

— Вот это контроль! — отметил про себя Джонатан. — Красиво!

Он бы тоже попробовал, но слишком устал. Поэтому заснул прямо там, где приземлился. И никто не нарушил молчания.

В последующие дни Джонатан обнаружил, что здесь, в новом месте, ему предстоит узнать об искусстве полета едва ли не больше, чем он узнал за всю свою прежнюю жизнь. Однако с одним существенным отличием. Здесь были чайки, мыслившие так же, как он. Для каждой из этих птиц самым важным в жизни было устремление к совершенству в том, что они любили больше всего. А больше всего они любили летать. Это были замечательные птицы — все без исключения. И каждый день час за часом они проводили в полете, изучая и отрабатывая сверхсложные приемы высшего пилотажа.

Джонатан почти совсем не вспоминал о том мире, из которого пришел он сам и в котором обитала Стая — сообщество существ, упорно не желавших открыть глаза и увидеть радость полета, и потому превративших свои крылья в ограниченный инструмент для поиска пропитания и борьбы за него друг с другом. Но иногда вдруг вспоминал.

Так он вспомнил о них однажды утром — они вдвоем с инструктором как раз отдыхали на пляже после отработки серии мгновенных переворотов со сложенными крыльями.

— Послушай, Салливэн, а где же все остальные? — молча поинтересовался Джонатан — он уже вполне освоился с местным искусством телепатического общения, что было гораздо проще туманных и путаных объяснений с помощью криков и криков. — Почему нас так мало здесь? Ведь там, откуда я пришел, было...

— ...множество чаек — тысячи и тысячи, я знаю. — Салливэн покачал головой. — Я вижу только один ответ: ты — редкая птица, такие встречаются в лучшем случае одна на миллион. Подавляющее большинство из нас развивается так медленно. Мы перелетаем из одного мира в другой, почти такой же, тут же забывая, откуда мы пришли, и не беспокоясь о том, куда идем. Мы просто живем текущим мгновением. А ты представляешь себе, сколько жизней каждому из нас понадобилось прожить, чтобы только лишь осознать: пропитание, и грызня, и власть в Стае — это еще далеко не все? Тысячи жизней, Джон, десятки тысяч, А после нужно было сообразить, что существует такая штука, как совершенство. На это ушла еще добрая сотня жизней. И еще сотня — на то, чтобы понять: цель жизни — поиск совершенства, а задача каждого из нас — максимально приблизить его проявление в самом себе, в собственном состоянии и образе действия. Закон на всех уровнях бытия — один и тот же: свой следующий мир мы выбираем посредством знания, обретенного здесь. И если здесь мы предпочли невежество, и знание наше осталось прежним, — следующий наш мир ничем не будет отличаться от нынешнего, все его ограничения сохранятся, и таким же неподъемным будет свинцовый груз непонятого вызова.

Салливэн расправил крылья и повернулся лицом к ветру.

— Но ты, Джон, умудрился столько узнать за одну жизнь, что попал прямо сюда, сэкономив как минимум тысячу воплощений.

Мгновение спустя они снова были в воздухе. Тренировка продолжалась. Синхронная полубочка — штука сложная. На перевернутом участке траектории Джонатану приходилось, летя кверху лапами, соображать, как придать крылу обратную кривизну. Причем делать это нужно было в абсолютной гармонии с действиями инструктора.

— Давай-ка еще раз, — снова и снова повторял Салливэн.

Еще раз... И еще... И наконец:

— Вот теперь — хорошо!

И они перешли к отработке внешней петли. Был вечер. Свободные от

ночных полетов чайки собрались вместе на песке и стояли молча, предаваясь размышлениям. Собрав всю свою решимость, Джонатан направился к Старейшему. Поговаривали, что тому вскоре предстояло отправиться выше, покинув этот мир.

— Чианг... — слегка нервничая, обратился к Старейшему Джонатан.

— Что, сынок? — глаза Старейшины лучились добротой. Возраст не лишил Старейшего сил, наоборот, — с годами он становился все более могучим. Он летал с непревзойденным искусством, и в Стае не было никого, кто мог бы потягаться с ним силой. Остальные только начинали потихоньку подбираться к тому, в чем Чианг давно уже достиг вершин мастерства.

— Чианг, этот мир... он ведь вовсе не Небеса, да?

Светила Луна. Было видно, что Старейший улыбается.

— Просто ты в очередной раз учишься, Чайка Джонатан, — ответил он.

— Хорошо, но что дальше? Получается, нет *такого места* — Небеса?

— Ты прав, Джонатан: *такого места действительно нет*. Ибо Небеса — не место и не время — но лишь наше собственное совершенство.

Немного помолчав, Старейший вдруг спросил:

— Ты очень быстро летаешь, правда?

— Я... ну, мне нравится скорость, — произнес Джонатан, смутившись, но немного гордясь тем, что Старейший отметил его искусство.

— Ну что ж, тогда ты достигнешь Неба, Джонатан, в тот миг, когда тебе покорится совершенная скорость. А совершенная скорость — это не тысяча миль в час. И не миллион. И даже не скорость света. Ибо любое число суть предел, а предел всегда ограничивает. Совершенство же не может иметь пределов. Так что совершенная скорость, сынок, — это когда ты просто оказываешься там, куда собираешься направиться.

И Чианг исчез — без предупреждения — и возник у кромки воды футах в пятнадцати от того места, где перед тем стоял. Оба эти события произошли одновременно, в мизерную долю мгновения. Затем, опять в одну и ту же миллисекунду, он одновременно снова исчез и появился рядом с Джонатаном, у самого его плеча.

— Это просто шутка, — сказал Старейший.

Джонатан был поражен. Вопросы относительно Небес вмиг были позабыты.

— Как это делается? И на какое расстояние можно таким образом переместиться?

— Можно отправиться в любое место и оказаться в каком угодно

времени, — ответил Старейший. — Все дело в твоём выборе: ты попадешь туда, куда намерен попасть. Путешествуя таким образом в пространстве и во времени, я побывал везде, где и когда хотел побывать.

Чианг посмотрел на море.

— Странно как-то получается, — продолжал он. — Чайки, пренебрегающие совершенством ради путешествий из одного места в другое, в итоге так никуда и не попадают, ибо двигаются слишком медленно. Тот же, кто во имя поиска совершенства отказывается от перемещений в пространстве, мгновенно попадает в любое место, куда только пожелает. Так что, Джонатан, запомни: Небеса не есть некое место в пространстве и во времени, ибо место и время не имеют равным счетом никакого значения. Небеса — это...

— Послушай, а ты можешь научить меня так летать? — Джонатан буквально дрожал от нетерпения, предвкушая возможность покорить еще один аспект неизвестного.

— Конечно, если ты хочешь научиться.

— Хочу. Когда начнем?

— Прямо сейчас, если ты не возражаешь.

— Я хочу научиться летать таким образом, — сказал Джонатан, и глаза его вспыхнули необычным светом. — Говори, что нужно делать.

Чианг заговорил — медленно, не сводя с Джонатана внимательного взгляда:

— Чтобы со скоростью мысли переместиться в любое выбранное тобою место, тебе для начала необходимо осознать, что ты уже *прилетел* туда, куда стремишься.

Весь фокус, по утверждению Чианга, заключался в том, что Джонатану следовало отказаться от представления о себе как о существе, попавшем в западню ограниченного тела с размахом крыльев в сорок два дюйма и рабочими характеристиками, которые могут быть замерены и просчитаны. Суть в том, чтобы осознать: его истинная природа, его сущность — совершенная, как ненаписанное число, существует всегда и везде во времени и пространстве.

Джонатан упорно пытался... Настойчиво и яростно, изо дня в день, от восхода до полуночи. Однако, несмотря на все усилия, ни на волос не сдвинулся с того места, на котором стоял.

— Вера здесь ни при чем, — не уставал повторять Чианг, — забудь о ней. Даже в случае обычного умения летать, на одной вере вряд ли далеко улетишь... Нужно точно знать, как это делается практически. Так что давай-ка попробуем еще раз...

Однажды Джонатан тренировался в сосредоточении, стоя с закрытыми глазами на берегу. И вдруг неожиданно все осознал — это было подобно вспышке — все, что объяснял ему Чианг.

— Ну да, ведь я уже совершенен, я *всегда был* совершенен! И ничто не может загнать меня в рамки, ибо сам я по природе своей безграничен.

Волна радости захлестнула его.

— Молодец! — сказал Чианг, и в голосе его звучало торжество победы.

Джонатан открыл глаза. Они вдвоем со Старейшим стояли на совершенно незнакомом берегу. И рядом с ними не было никого. Деревья подступали к самой кромке воды, а над ними сияли два желтых солнца.

— Ну, наконец-то до тебя дошло, — сказал Чианг, — однако неплохо было бы еще немного поработать над осознанностью контроля...

Джонатан был поражен:

— Где это мы?

На Старейшего смена обстановки, похоже, не произвела ровным счетом никакого впечатления. Он ответил как бы между прочим:

— По всей видимости, на какой-то планете, где небо зеленое, а вместо Солнца — двойная звезда.

Джонатан издал радостный клич. Это были первые слова, произнесенные им вслух после того, как он покинул Землю:

— ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

— Естественно, получилось, Джон, — подтвердил Чианг. — И всегда получается, если знаешь что делаешь. Теперь — по поводу контроля...

Когда они вернулись, было уже темно. Все стояли на берегу, и во взглядах их золотых глаз Джонатан читал почтительное восхищение. Они видели, как он мгновенно исчез с того места, где так долго стоял как вкопанный.

Они начали было поздравлять Джонатана, но он недолго принимал их поздравления.

— Я всего лишь новичок здесь, я только начинаю... Мне еще предстоит многому у вас научиться.

— Занятная штука, Джон, — задумчиво произнес Салливэн, стоявший рядом, — ведь ты, похоже, совсем не боишься нового, а если немного и опасаясь, то гораздо меньше, чем любой из тех, кого я встречал за десять тысяч лет.

Все замолчали, а Джонатан смущенно потупился.

— А теперь, если хочешь, можем перейти к работе со временем, — сказал Чианг, — поскольку тебе необходимо научиться свободно

перемещаться в прошлое и в будущее, А когда и это будет достигнуто, ты будешь готов к самому труднодоступному, к тому, что несет в себе величайшую из всех сил, а также радость и наслаждение, равных которым не бывает. Ибо тогда ты сможешь начать восходящее движение — то самое, которым дается постижение сущности любви и доброты.

Прошел месяц, вернее, то, что воспринималось как месяц времени, Джонатан учился с невероятной быстротой. Он и раньше все схватывал буквально на лету, даже не имея никакого наставника, кроме обычного опыта. Теперь же, будучи избранным учеником самого Чианга, он впитывал новые понятия, словно был не птицей, а облаченным в перья стремительным снарядом с компьютерной начинкой.

Но настал день, и Чианг ушел. Он спокойно разговаривал со всеми, призывая их ни в коем случае не прекращать обучение и настойчиво практиковаться, все ближе и ближе подбираясь к постижению невидимого универсального принципа, лежащего в основе всей жизни, — принципа совершенства. По мере того, как он говорил, перья его становились все ярче и ярче, и в конце концов испускаемое им сияние приобрело такую интенсивность, что никто из них не мог больше на него смотреть.

— Джонатан, — произнес Чианг, и это были его последние слова, — постарайся постичь, что такое Любовь.

Когда они снова смогли видеть, Чианга с ними уже не было.

Шли дни. Джонатан все чаще ловил себя на том, что думает о Земле, о той Земле, откуда пришел в самом начале. Если бы там, тогда, ему была известна хотя бы десятая, нет, даже сотая доля того, что он узнал здесь — насколько более насыщенной и эффективной могла бы быть земная часть его жизни! Он стоял на песке и думал: интересно, есть ли сейчас там, на Земле, Чайка, которая старается вырваться за пределы врожденных ограничений, постичь значение полета, выходящее за грань понятия о нем лишь как о способе добыть корку хлеба, выброшенную кем-то за борт вместе с помоями. А может быть, там есть даже кто-нибудь, кого изгнали за то, что он высказал в лицо Стае открытую им для себя истину, И чем глубже Джонатан постигал уроки доброты, чем яснее видел природу любви, тем больше ему хотелось вернуться на Землю. Ибо, несмотря на прожитую в одиночестве жизнь, Чайка Джонатан был рожден для того, чтобы быть учителем. Он видел то, что было для него истиной, и реализовать любовь он мог лишь раскрывая свое знание истины перед кем-нибудь другим — перед тем, кто искал и кому нужен был только шанс, чтобы открыть истину для себя.

Салливэн, сделавшийся к тому времени мастером полета со скоростью мысли и помогавший другим освоить это искусство, пребывал в сомнениях. Он говорил Джонатану:

— Тебе ведь уже как-то довелось оказаться в Изгнании. Или, может быть, ты полагаешь, что среди изгнавших тебя тогда мог быть кто-нибудь, кто прислушается к твоим словам сейчас? Ты же знаешь пословицу: *чем выше летает чайка — тем дальше она видит*. Ведь так оно и есть. Там, откуда ты пришел, все они буквально не отрываются от земли, они копошатся на ней, злословят и грызутся друг с другом. И от Неба их отделяют тысячи миль. А ты намерен сделать так, чтобы они увидели Небо, не сходя с места! Джон, да ведь они дальше концов собственных крыльев взглянуть не способны! Оставался бы лучше, ты нужен здесь. То и дело появляются Новички — они уже поднялись достаточно высоко и способны увидеть то, о чем ты говоришь.

Салливэн немного помолчал, а затем добавил:

— Представь, что было бы, если бы Чианг в свое время вернулся отсюда в **свои** старые миры. Где бы ты был сегодня?

Убедительный довод. Салливэн, безусловно, был прав. *Чем выше летает чайка, тем дальше она видит*, и от этого никуда не деться.

И Джонатан оставался и работал с Новичками. Все они были личностями очень яркими и схватывали все на лету. Но исчезнувшее было чувство опять возникало, и все начиналось снова: Джонатан не мог избавиться от мысли о том, что где-то там, на Земле, тоже есть две или хотя бы одна чайка, разум которой открыт знанию. Насколько больше знал бы он сам, если бы Чианг пришел к нему в дни изгнания!

В конце концов Джонатан не выдержал:

— Салли, я чувствую, что должен вернуться. А управиться с Новичками тебе помогут твои ученики — они уже вполне для этого созрели.

Салливэн вздохнул, однако возражать не стал. Он только сказал:

— Мне будет очень тебя не хватать, Джон.

— Салли, как не стыдно! — с упреком произнес Джонатан. — Не говори ерунды! Чем, скажи на милость, мы тут целыми днями занимаемся? Если бы наша дружба и связь между нами определялись положением в пространстве и во времени, то, преодолев пространственно-временные ограничения, мы бы мигом все разрушили! Однако после победы над пространством остается только Здесь. А после победы над временем — только Сейчас. И неужто ты полагаешь, что мы с тобой не встретимся еще раз-другой в беспредельности этого Здесь и Сейчас?

Чайке Салливэну было явно не по себе, но он нашел в себе силы рассмеяться.

— Чудак ты, однако, — мягко произнес он. — Но что верно, то верно: если кто-то и способен научить кого-нибудь на Земле видеть нечто, отделенное расстоянием в тысячи миль, то этот кто-то, безусловно, — Чайка Джонатан Ливингстон.

И, опустив глаза, Салливэн принялся разглядывать песок.

— До свидания, Джон.

— До свидания, Салли. Мы еще встретимся.

С этими словами Джонатан воспроизвел в мыслях образ огромных стай чаек на океанском берегу где-то в ином времени. И благодаря тренировке ему не требовалось прикладывать никаких усилий для того, чтобы знать без тени сомнения: он — не кости, плоть и перья, но сама идея свободы и полета, которая совершенна по сути своей, и потому не может быть ограничена ничем.

* * *

Чайка Флетчер Линд был еще весьма молод, однако уже знал, что никогда ни одна Стая не поступала столь грубо и несправедливо, как поступила сегодня с ним его собственная Стая.

— И плевать, пусть болтают, что хотят, — думал он, с помутневшим от ярости взором направляясь в сторону Дальних Скал. — Летать — это ведь не просто хлопать крыльями, таскаясь туда-сюда, как... как... москит какой-то! Подумаешь — бочку крутанул вокруг Старейшины! Я же просто так, шутки ради... И вот пожалуйста — Изгнанник! Дурачье слепое! Вконец отупели — ничего не понимают! Неужели они ни на секунду не задумываются о том, какие перспективы откроются перед ними, если они научатся летать по-настоящему? Ну да ладно — мне все равно плевать. Пускай думают, что хотят. Я им покажу еще!.. Они у меня увидят, что значит — летать по-настоящему. Вне закона? Хорошо, будем вне закона, если им так нравится..... Но они об этом пожалеют, ох, как пожалеют!..

И тут он услышал голос, который звучал где-то внутри его собственной головы. Очень мягкий голос... Но все равно это было настолько неожиданно, что Флетчер опешил и вздрогнул в воздухе, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

Не нужно их ругать, Флетчер. Изгнав тебя, они навредили только сама себе. И когда-нибудь они это поймут. И они поймут то, что

понимаешь сейчас ты. А тебе следует простить их и помочь им понять.

В дюйме от конца правого крыла Чайки Флетчера летела птица — ослепительно-белая сияющая чайка, самая светлая в мире. Без малейшего усилия птица скользила рядом, не шевеля ни единым пером, и скорость ее полета была при этом равна скорости, с которой летел Флетчер, а это был почти его предел.

— Да что же это такое происходит?! Я что, сошел с ума?! Или уже умер?! Кто это?!

Тем временем голос — тихий и спокойный — возник вновь среди сумятицы его мыслей. На этот раз требовательно прозвучал вопрос:

Чайка Флетчер Линд, хочешь ли ты летать?

— ДА! Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

Чайка Флетчер Линд, достаточно ли сильно твое желание летать для того, чтобы простить Стаю, и учиться, а затем вернуться однажды к ним и трудиться среди них, помогая им обрести знание?

Это был голос мастера. И как бы ни был горд Флетчер, и сколь бы уязвленным он себя ни ощущал, он знал — обмануть это ослепительное существо не было никакой возможности. И он смиренно ответил:

— Да.

— Ну что ж, Флетч, — в голосе сияющего существа звучала доброта, — тогда начнем с освоения искусства горизонтального полета...

Часть третья

Джонатан наблюдал, паря над Дальними Скалами. Этот парень — Чайка Флетчер Линд — оказался практически идеальным учеником. Сильный, легкий и быстрый, он обладал также самым важным качеством — пламенным стремлением научиться летать по-настоящему.

В это мгновение появился и сам Флетчер — серой молнией он пронесся мимо своего инструктора, выходя их пике на скорости в сто пятьдесят миль в час. Вот он рывком вошел в медленную шестнадцативитковую вертикальную бочку, громко отсчитывая вслух точки переворотов.

— ...восемь... девять... десять... Джонатан-смотри-я-теряю-скорость... одиннадцать... я — хочу-добиться-четкой-фиксации-как-у-тебя... двенадцать... вот-досада-кажется-я-смогу-сделать-только... тринадцать... эти-последние-три-витка... без... четыр... а-а-а!!!

Каждая неудача приводила Флетчера в неопишемую ярость. И особенно для него не могло быть ничего хуже, чем сорваться почти в самом верху и, опрокинувшись, кувырком полететь вниз, вращаясь вверх лапами в корявом штопоре. Ему удалось выйти из этого позорного падения только когда он был уже на сто футов ниже инструктора. Жадно хватая клювом воздух, он наконец выровнялся.

— Джонатан, ты напрасно тратишь на меня время! Я бездарен и туп! Стараюсь, стараюсь, но ничего не выходит! Чайка Джонатан взглянул на него сверху вниз и кивнул:

— Ты прав — не получится... Если будешь так жестко заходить на подъем. Флетчер, ты потерял сорок миль скорости еще в самом начале! Из пике следует выходить плавно. Ты **должен течь!** Необходимо совместить твердость и текучесть. Запомнил?

Он спикировал вниз, на уровень ученика.

— Давай-ка попробуем вместе — звеном. И обрати внимание на выход из пике — плавно и очень легко...

Прошло три месяца. У Джонатана появились еще шесть учеников. Все шестеро были Изгнанниками, и всех очень интересовала странная новая идея — летать ради радости полета...

Правда, им было гораздо легче освоить сверхсложные технические приемы, чем понять, для чего это нужно.

По вечерам на песчаном берегу Джонатан говорил им:

— Каждый из нас воплощает идею Великой Чайки — ничем не ограниченную идею абсолютной свободы. Потому точность и совершенство полета — только первый шаг на пути к раскрытию и проявлению нашей истинной сущности. Необходимо избавиться от всего, что ограничивает. Вот зачем это все нужно — скоростные полеты, предельное снижение скорости, высший пилотаж...

...А его ученики мирно посапывали тем временем во сне, утомившись после дня полетов. Им нравилось тренироваться — их увлекали скорость и возможность с каждой последующей тренировкой узнать что-то новое, утоляя тем самым все возраставшую жажду знаний. Но ни один из них, даже Чайка Флетчер Линд, пока что не пришел к осознанию реальности мысленного полета. Они еще не умели поверить в то, что полет мысли и полет ветра и крыльев — явления в равной степени материальные.

— Все ваше тело — от кончика одного крыла до кончика другого, — снова и снова повторял Джонатан, — есть собственно мысль, воплощенная в форме, доступной вашему зрению. Разорвав путы, сковывающие вашу мысль, вы разорвете и путы, сковывающие ваши тела...

Но сколько бы силы он ни вкладывал в эти слова, они звучали для них подобием волшебной сказки. Гораздо больше в этот момент они нуждались в сне и отдыхе...

Всего лишь месяц спустя Джонатан сказал, что пришла пора возвращаться к Стае.

— Но мы еще не готовы! — возразил чайка Генри Кэлвин. — И потом, нас ведь никто туда не звал! Мы — Изгнанники! И не можем позволить себе явиться туда, куда нас не звали. Что, разве не так?

— Мы свободны — и потому вольны идти, куда хотим, и быть самими собой везде, где бы мы ни находились. — С этими словами Джонатан поднялся в воздух и повернул на восток — к угольям, где обитала Стая.

Ропот замешательства прокатился среди учеников — каждый из них мучился вопросом: как поступить?

Закон Стаи гласил: Изгнанники не возвращаются. И за последние десять тысяч лет Закон этот не преступал никто. Голос Закона запрещал: и думать не смейте о возвращении. Джонатан сказал: возвращайтесь не задумываясь.

И Джонатан уже летел над водой и был в миле от них. Если они еще немного помедлят, он встретится с враждебной Стаей один.

— Нас изгнали. Мы не принадлежим к Стае. С какой стати мы должны обращать внимание на Закон Стаи? — произнес Флетчер, обращаясь, скорее, к самому себе, чем к остальным. — И к тому же, если на него

нападут, от нас больше толку будет там.

И они появились в то утро, они восьмером пришли с запада стройным звеном в форме двойного ромба. Они летели четко и слаженно, практически касаясь друг друга кончиками крыльев. Со скоростью ста тридцати миль в час они пронеслись над пляжем, где обычно проходили общие собрания Стаи. Джонатан — впереди, Флетчер — непринужденно и легко — справа от него, Генри Кэлвин, стараясь не отставать и не выпадать из общего ритма — слева. Затем все звено, как одна птица, сделало медленный вираж вправо — участок горизонтального полета — поворот — горизонтальный участок — слышно было только, как свистит рассекаемый ими ветер.

Крики и крики повседневного быта Стаи смолкли, словно звено птиц над пляжем было гигантским ножом, миг отсекшим все привычные звуки. Восемь тысяч птичьих глаз, не мигая, напряженно следили за ними.

Одна за другой все восемь птиц взмыли вертикально вверх — мертвая петля — а потом — прямо из мертвой петли — вышли в пике, закончив полет посадкой с мгновенной остановкой. Затем, словно это входило в обычную ежедневную программу, Чайка Джонатан, как ни в чем не бывало, приступил к разбору полетов.

— Во-первых, — слегка усмехаясь, говорил он, — все вы без исключения опоздали занять свое место в строю. Вам не хватает быстроты реакции, чтобы действовать синхронно...

Молнией одна и та же мысль промелькнула в голове каждой чайки в Стае:

— Изгнанники! И они вернулись! Но это... этого не может быть! Так не бывает!

Замешательство Стаи было настолько глубоким, что все опасения Флетчера относительно того, что их будут бить, мигом растаяли как дым. Стая оцепенела.

Тем не менее некоторые из молодых чаек в стае позволили себе проявить интерес:

— Ну да, конечно, они — Изгнанники. О кей. Но парни, где они научились так летать?

Целый час потребовался для того, чтобы постановление Председателя обошло всю Стаю:

— Не смей обращать на них внимания. Игнорировать. Всякий, вступивший в беседу с Изгнанниками, сам подлежит немедленному изгнанию. Наблюдение за Изгнанниками расценивается как нарушение Закона.

И, начиная с этого момента, Джонатан видел только обращенные в его сторону серые хвосты, что, впрочем, нимало его не смущало. Все последующие тренировки он проводил над Берегом Совета. И впервые он старался выжать из своих учеников все, на что те только были способны.

— Чайка Мартин! — кричал он на все небо. — Ты говорил, что постиг искусство медленного полета. Докажи! Себе докажи! Ты можешь знать все что угодно, но пока ты не доказал это на практике, ты не знаешь ничего! ЛЕТИ!

И тихий Крошка-Мартин Уильям удивил самого себя. Оказавшись в центре внимания, да еще к тому же и под нажимом инструктора, он неожиданно принялся демонстрировать чудеса искусства полета на сверхмалых скоростях. Используя легчайший ветерок, он умудрялся придавать неподвижным крыльям такую кривизну, что они практически вертикально поднимали его к самым облакам. После чего он, опять-таки без единого взмаха крыльями, снова медленно опускался на песок.

А Чайка Чарлз-Роланд оседлал Великий Ветер Гор и поднялся на двадцать четыре тысячи футов. Возвратился он весь посиневший от холода, но счастливый и с твердым намерением на следующий день взлететь еще выше.

Чайка Флетчер — он больше всех любил высший пилотаж — победил-таки наконец шестнадцативитковую восходящую бочку. Более того, он превзошел себя, выполнив над пляжем тройной переворот через крыло. Перья его сверкали белизной в лучах солнца, а с пляжа за ним украдкой наблюдала далеко не единственная пара глаз.

И все время Джонатан был рядом с учениками. Он показывал, предлагал новые решения, а иногда и выполнял роль ведущего. Вместе с ними он был в небе в дождь и ветер — они летали просто так, ради того, чтобы летать. Продрогшая же Стая беспомощно толкалась в это время на сыром унылом пляже.

По окончании полетов ученики отдыхали на песке. Со временем они научились прислушиваться к объяснениям Джонатана. Конечно, его идеи нередко выглядели в их глазах по меньшей мере странными, и постичь их ученики не могли, но кое-что было им понятно и казалось вполне резонным.

Постепенно вокруг кольца учеников, окружавших Джонатана, образовалось еще одно кольцо, состоявшее из любопытствующих. Они тайком приходили по ночам, чтобы долгими часами слушать объяснения Джонатана. Появлялись они в темноте, прячась друг от друга, и уходили затемно, чтобы не быть узнанными и никого не узнать.

Через месяц после Возвращения произошло событие — первая чайка откололась от Стаи, перейдя «демаркационную линию» и попросившись к Джонатану в ученики. Совершив этот поступок, Чайка Терренс Лоуэлл приобрел статус отверженного и его тут же объявили Изгнанником. Так он стал восьмым учеником.

На следующий вечер из Стаи ушел Керк Мэйнард. Хромая, он брел по песку, он всхлипывал, а левое крыло его беспомощно волочилось за ним. Он рухнул на землю к ногам Джонатана и голосом умирающего попросил:

— Помоги мне. Больше всего на свете я хочу летать.

— Летай, — сказал Джонатан. — Поднимайся со мной вместе и начнем обучение.

— Ты не понимаешь. Мое крыло... Я им не владею. Я не могу им пошевелить.

— Чайка Мэйнард, ты волен быть самим собой, ты свободен осознать свою истинную сущность и быть ею, здесь и сейчас, и ничто не в силах тебе воспрепятствовать. Таков Закон Великой Чайки, и это — единственный объективно существующий закон.

— Ты хочешь сказать, что я могу летать?

— ТЫ СВОБОДЕН, — вот что я говорю.

Легко, просто и быстро Чайка Керк Мэйнард расправил крылья и без малейшего усилия взмыл в темное ночное небо. Спящую Стаю разбудил его торжествующий крик. Паря на высоте ста футов, Керк во весь голос вопил:

— Я лечу! *Слушайте!* Я МОГУ ЛЕТАТЬ!!!

Когда над горизонтом показался краешек восходящего солнца, Джонатана и его учеников уже окружало около тысячи птиц, изумленно взиравших на Мэйнарда. Им было все равно, видят их или нет. Они прислушивались к словам Джонатана, усердно пытаясь что-то понять.

А говорил он о вещах простых и само собой разумеющихся: каждая птица имеет право летать, свобода есть сущность каждого, и потому все, что ее ограничивает, должно быть отмечено прочь, будь то традиция, суеверие или любое другое ограничение в какой угодно форме.

— Прочь? — раздался голос из толпы. — Даже если это — Закон Стаи?

— Единственный объективно существующий закон — тот, что дает освобождение, — ответил Джонатан. — Других законов нет.

— Как, по-твоему, мы можем научиться летать так, как летаешь ты? — прозвучал другой голос. — Ты — особо одаренная птица Божественного происхождения, ты выше всех прочих птиц...

— Посмотрите на Флетчера! Лоуэлла! Чарлза-Роланда! А Джуди Ли? Они — тоже особо одаренные птицы Божественного происхождения? Не более, чем вы все. И не более, чем я. Просто они, в отличие от вас, осознали свою Истинную природу и стали жить сообразно своему знанию.

Все его ученики, за исключением Флетчера, неловко поежились: они вовсе не были уверены, что все обстоит именно так...

Изо дня в день толпа росла. Приходили задавать вопросы, поклоняться, проклинать.

— В Стае говорят, что ты — либо сам сошедший на землю Сын Великой Чайки, либо опередил свое время на тысячу лет, — сообщил однажды Джонатану Флетчер после утренней отработки сверхскоростных полетов.

Джонатан вздохнул. Вот она — цена непонимания. Либо Бог, либо дьявол.

— А сам-то ты как думаешь, Флетч? Опередили мы свое время?

Молчание. Потом Флетчер неуверенно заговорил:

— Ну, в общем-то, всегда было можно научиться так летать. Нужно было только захотеть. Время тут ни при чем. Хотя, возможно, мы опережаем моду... Общепринятый стереотип о полете чаек.

— Это уже легче, — сказал Джонатан, перевернувшись через крыло, и некоторое время летел вниз спиной. — Все же лучше, чем опережать время.

Это произошло всего неделю спустя. Флетчер показывал группе новых учеников элементы практики скоростного полета. Он как раз вышел из пике с высоты семи тысяч футов и неслся — почти невидимый на бешеной скорости — над самым пляжем, как вдруг птенец, впервые оторвавшийся от земли, возник у него на пути с криком: «Мама! Мама!» За долю секунды до столкновения Чайка Флетчер Линд успел резко свернуть влево — туда, где стеной возвышалась громадная скала из твердого гранита.

Ему показалось, что скала — это исполинская твердая дверь в другой мир. Ужас, и шок, и удушливая тьма... А потом — покой незнакомого неба, воспоминания, забытье, опять воспоминания и снова — забытье. Было страшновато, а после пришли печаль и сожаление. Очень-очень глубокое сожаление.

И, как в тот день, когда он впервые встретился с чайкой по имени Джонатан Ливингстон, в уме его зазвучал голос:

— Дело в том, Флетч, что мы пытаемся преодолеть границы своих возможностей постепенно, по порядку, не торопясь. Прохождение сквозь

камень значится в нашей программе несколько позже.

— Джонатан!

— Известный также как Сын Великой Чайки, — невозмутимо произнес его наставник.

— А ты что здесь делаешь? А как же скала? Я что, не того... ну, не это... не умер, что ли?

— Ну, Флетч, брось... Подумай: если ты со мной сейчас разговариваешь, стало быть ты определенно жив. Так? Просто тебе удалось достаточно резко сдвинуть уровень сознания. И теперь у тебя есть выбор. Хочешь — можешь остаться на этом уровне — кстати, он гораздо выше того, на котором ты находился прежде, — а можешь вернуться обратно и продолжить работу в Стае. Их Старейшины, между прочим, так и ждали, чтобы с кем-нибудь из нас приключилось какое-либо происшествие, предпочтительно с летальным исходом. Так что, оставшись здесь, ты их весьма обяжешь. Они и мечтать не смели о столь роскошном подарке, и, главное — так своевременном...

— Понятно. Разумеется, я возвращаюсь. Только-только новую группу набрал...

— Очень хорошо, Флетчер. Помнишь, что мы говорили о теле? Тело есть мысль, облаченная в доступную восприятию форму?..

Флетчер шевельнул головой, расправил крылья и открыл глаза. Он обнаружил, что находится у подножия скалы, а вокруг него толпится вся Стая.

— Ожил! Он умер, и он снова — живой!!!

— Коснулся его крылом! Вернул ему жизнь! Сын Великой Чайки!

— Да нет, он сам говорит, что не Сын! Он — дьявол! ДЬЯВОЛ!!! Да! Он пришел известить всю стаю!

Все четыре тысячи птиц, составлявших толпу, были в страхе. Случившееся напугало их, и потому крик «ДЬЯВОЛ», ураганом пронесшийся над толпой, упал на благодатную почву. Сверкая глазами и зловеще наострив клювы, толпа сжимала кольцо, готовая разорвать их в клочья.

— Как полагаешь, Флетчер, не лучше ли нам сейчас отсюда убраться? — поинтересовался Джонатан.

— Я был бы, пожалуй, не против того, чтобы находиться где-нибудь подальше от этого места...

И мгновенно они оказались в полумиле от подножия скалы, а разинутые клювы обезумевших птиц, сомкнувшись, ухватили только воздух.

— Почему, — недоумевал Джонатан, — почему самое трудное на свете дело — убедить свободного в том, что он свободен и что он вполне способен сам себе это доказать, стоит лишь потратить немного времени на тренировку? Почему так?

Флетчер никак не мог прийти в себя от столь неожиданного поворота событий:

— Что ты сделал? Как мы здесь оказались?

— Но ты же сам сказал, что непрочь оттуда убраться... Или нет?

— Говорил. Но как это ты...

— Очень просто, Флетчер. Так же, как и все остальное: практика.

К утру все в стае и думать забыли о вчерашнем массовом помутнении разума. Но только не Флетчер.

— Джонатан, помнишь, ты говорил как-то — давно уже — насчет любви к Стае, достаточной для того, чтобы возвращаться и учить?

— Помню, конечно.

— Так вот, я не могу понять, как ты умудряешься любить эту тупоумную ораву, готовую в любой момент взбеситься и прикончить тебя. Как, например, вчера...

— Ох, Флетч, кто же такое полюбит? Ненависть и злоба — вовсе не то, что следует любить. Научись видеть в них истинную Чайку, воспринимая то лучшее, что в них есть, и помогая им самим это лучшее рассмотреть. Вот что я имел в виду, когда говорил о любви. Знаешь, как радостно, если это удастся! Я, кстати, припоминаю одного очень яростного парня — кажется, его звали Чайка Флетчер Линд — так вот он, когда его изгнали, готов был драться насмерть со всей Стаей сразу. И уже направился было к Дальним Скалам, чтобы там в одиночестве устроить себе настоящее пекло — такой знаешь ли, индивидуальный ад до конца дней. Но вместо этого он сейчас строит свои Небеса, да еще и всю Стаю ведет в том же направлении...

Флетчер повернулся к нему, и в глазах его промелькнул испуг:

— Я?! Я веду?! Джон, что ты хочешь этим сказать? Учитель здесь — ТЫ. И ты не можешь уйти!

— Не могу? А ты не думаешь, что где-то могут быть другие стаи, другие Флетчеры, и что им наставник может быть нужнее, чем тебе? Ведь ты уже нашел свой путь к свету...

— Я?! Джон, я — простая чайка, а ты...

— ...единственный и неповторимый Сын Великой Чайки, не иначе? — вздохнул Джонатан. — Я больше не нужен тебе. Просто продолжай искать себя и находить. Каждый день поближе узнавать свою истинную природу

— настоящего Чайку Флетчера. Он — твой учитель. Нужно только понять его и тренироваться, чтобы им быть.

А через мгновение тело Джонатана замерцало, перья его засияли, и он стал таять в воздухе.

— И не давай им распускать обо мне дурацкие слухи. Или делать из меня бога, хорошо, Флетч? Я — чайка. Ну, разве что люблю летать...

— **ДЖОНАТАН!**

— Бедняга Флетч! Не верь глазам своим. Ибо глазам видны лишь ограничивающие нашу свободу оковы. Чтобы рассмотреть главное, нужно пользоваться пониманием. Ты все знаешь, необходимо только понять это. И тогда сразу станет ясно, как летать...

Мерцание прекратилось. Джонатан растаял в воздухе. Прошло некоторое время, прежде чем Чайка Флетчер смог заставить себя подняться в воздух, где его ожидала новая группа учеников, жаждавших получить первый урок.

— Для начала, — мрачно сказал он, — вам следует понять, что чайка есть ничем не ограниченная идея свободы, воплощение образа Великой Чайки, и все ваше тело от кончика одного крыла до кончика другого — это только мысль.

Молодые чайки глядели недоумевающе. Ну, парень, думали они, не очень-то эта инструкция поможет нам выполнить мертвую петлю.

Флетчер вздохнул и заговорил снова, окинув их критическим взглядом:

— Хм... Э-э-э... Ладно, начнем с освоения искусства горизонтального полета.

И стоило ему это произнести, как он уже понял, что происхождение его Друга было ничуть не более божественным, чем его собственное.

— Нет ограничений, Джонатан? — подумал он. — Тогда недалек тот день, когда я соткусь из воздуха на *твоем* берегу и кое-что расскажу тебе о том, как нужно летать!

Он старался выглядеть строгим перед учениками, но вдруг увидел их всех такими, каковы они были в действительности, он рассмотрел их истинную сущность. Это продолжалось недолго — всего лишь какое-то мгновение, но ему понравилось то, что он увидел, очень понравилось, вплоть до любви. «Нет пределов, Джонатан?» — И он улыбнулся. Начинался его собственный путь знания.

Иллюзии. Приключения Мессии поневоле

От автора

После того как "Чайка по имени Джонатан Ливингстон" вышла в свет, меня не раз спрашивали: "Ричард, что ты собираешься писать дальше? После "Джонатана", что?"

Я отвечал тогда, что дальше мне вовсе нет необходимости писать, ни единого слова, и что мои книги уже сказали все, что я хотел бы ими сказать. В свое время мне пришлось и поголодать, и продать свою машину, и все такое прочее, поэтому было довольно занято, что уже не надо сидеть до полуночи за работой.

Однако, почти каждое лето я отправлялся на своем почтенном биплане в плавание над изумрудными морями лугов на Среднем Западе Америки, катал пассажиров и снова начал чувствовать прежнее напряжение – осталось еще кое-что, чего я сказать не успел.

Мне вовсе не нравится писать книги. Если я только могу повернуться к какой-нибудь идее спиной, оставить ее там, во мраке, за порогом, то я даже не возьму в руки перо.

Но время от времени передняя стена вдруг с грохотом разваливается, осыпая все вокруг водопадом стеклянных брызг и кирпичной крошки, и кто-то, перешагнув через этот мусор, хватая меня за глотку и нежно говорит: "Я не отпущу тебя пока ты не выразишь меня словами и не запишешь их на бумагу". Именно так я и познакомился с "Иллюзиями".

Даже там, на Среднем Западе, когда я, бывало, лежал на спине и учился разгонять облака, эта история постоянно вертелась у меня в голове... а что, если вдруг здесь появился бы некто, кто действительно был бы мастером этого дела, кто мог бы рассказать мне, как устроен мой мир и как управлять им? А что, если бы я вдруг встретил так далеко ушедшего по пути... что, если новый Сидхарта или Иисус появился бы в нашем времени, обладая властью над иллюзиями этого мира, потому что он знает реальность, стоящую позади них? А что, если бы я мог встретиться с ним, если бы он летал на биплане и приземлился бы на том же лугу, что и я? Что бы он сказал, каким бы он был?

Возможно он не был бы похож на мессию, появившегося на испачканных машинным маслом и пятнами от травы страницах моего бортового журнала, возможно, он не сказал бы ничего из сказанного в этой книге. Однако, мой мессия говорил: *мы притягиваем в нашу жизнь то, о чем думаем*, и, если все это так, то есть какая-то причина тому, что этот

момент наступил в моей жизни, и в вашей тоже. Вероятно, нет ничего случайного в том, что вы сейчас держите эту книгу; вероятно, в этих приключениях есть что-то, ради чего вы встретили эту книгу. Я думаю именно так. И я думаю, что мой мессия восседает где-нибудь в другом измерении, вовсе не фантастическом, видит нас с вами и довольно смеется от того, что все происходит точно так, как мы это заранее спланировали.

Ричард Бах

1. И пришел на эту землю Мессия, и родился он на священной земле штата Индиана, и вырос он среди таинственных холмов к востоку от Форт-Уэйна.

2. Мессия знакомился с этим миром в обычной школе штата Индиана, а потом, когда вырос, стал автомехаником.

3. Но у Мессии были и другие знания, и получил он их в других краях, в других школах, в других жизнях, которые он прожил. Он помнил их, и эта память сделала его мудрым и сильным, и другие видели его силу и приходили к нему за советом.

4. Мессия верил, что он способен помочь самому себе и всему человечеству, и было ему по вере его, и другие видели его могущество и приходили к нему, чтобы он избавил их от их бед и бесчисленных болезней.

5. Мессия верил, что каждому следует считать себя сыном Бога, и было по вере его, и мастерские и гаражи, где он работал переполнялись теми, кто искал его учения и его прикосновения, а улицы поблизости – теми, кто жаждал лишь того, чтобы на них случайно пала его тень и переменяла их жизни.

6. И было так, что из-за этих толп владельцы мастерских просили Мессию, чтобы он оставил свою работу и шел своей дорогой, ибо он всегда был так плотно окружен толпой, что ни ему ни другим механикам просто нигде было заниматься ремонтом автомобилей.

7. И пошел он в открытое поле, и люди, пошедшие за ним стали называть его Мессией и чудотворцем; и было им по вере их.

8. И если случалась буря, пока он говорил, ни единой капли не падало на головы слушавших его; и посреди грома и молний, бушующих на небесах, стоявший дальше всех от него слышал его слова так же ясно и четко, как и стоявший ближе всех к нему. А говорил он с ними всегда на языке притч.

9. И сказал он им: "В каждом из нас скрыта наша готовность принять здоровье или болезнь, богатство или бедность, свободу или рабство. И только мы сами, и никто другой, можем управлять этой великой силой".

10. Тут заговорил некий мельник, и сказал он: "Легко говорить тебе, Мессия, ибо нам свыше никто не указывает путь истинный, как тебе, а тебе не приходится зарабатывать на хлеб в поте лица твоего, как нам. В этом мире, чтобы жить – человек должен работать".

11. И сказал ему Мессия в ответ: "Когда-то на дне одной большой хрустальной реки стояла деревня, и жили в ней некие существа".

12. "Река безмолвно текла над ними всеми – молодыми и старыми, богатыми и бедными, хорошими и плохими, текла своей дорогой и знала лишь о своем собственном хрустальном "Я".

13. И все эти существа, каждый по своему, цеплялись за камни и тонкие стебли, росших на дне реки растений, ибо умение цепляться было у них основой жизни, а сопротивляться течению реки они учились с самого рождения.

14. Но одно существо наконец сказала: "Я устал цепляться. И хоть я не вижу этого своими глазами, я верю, что течение знает, куда оно направляется. Сейчас я отпущу камень, и пусть оно унесет меня с собой. Иначе, я умру от скуки".

15. Другие существа засмеялись и сказали: "Дурак! Только отпусти свой камень, и твое обожаемое течение так тебя перекувырнет да шмякнет о камни, что от этого ты быстрее помрешь, чем от скуки!"

16. Но он не послушался их и, набрав побольше воздуха, разжал руки, и в тот же миг течение перекувырнуло его и ударило о камни.

17. Однако, существо все же не стало ни за что цепляться, и тогда поток поднял его высоко надо дном, и о камни его больше не било.

18. А существа, жившие ниже по реке, для которых он был незнакомцем, закричали: "Глядите, чудо! Он такой же как мы, однако он летит! Смотрите, Мессия пришел, чтобы спасти нас!"

19. И тогда тот, которого несло течение, сказал: "Я такой же Мессия, как и вы. Река с радостью освободит нас и поднимет вверх, если мы только осмелимся отцепиться от камней. Наше истинное предназначение заключается в этом странствии, в этом отважном путешествии".

20. Но они лишь громче закричали: "Спаситель!", все также цепляясь за камни, а когда они снова взглянули наверх, его уже не было, и они остались одни и начали слагать легенды о Спасителе".

21. И случилось так, когда он увидел, что с каждым днем толпа собирается все больше, все теснее окружает его и становится все неистовее, когда он увидел, что они требуют, чтобы он лечил их без отдыха и постоянно тешил их чудесами, чтобы он учился за них и жил вместо них их жизнями, то в тот день он в одиночестве пошел на пустынную вершину горы, и там он сотворил молитву.

22. И молвил он в своем сердце, Беспредельный Сверкающий Абсолют, если будет на то воля твоя, пусть минет меня чаша сия, позволь мне отказаться от этой невыполнимой задачи. Я не могу жить жизнью даже

одного другого человека, однако десятки тысяч молят меня о жизни. Я сожалею, что позволил всему этому случиться. И если будет на то воля твоя, позволь мне вернуться к моим моторам и моим инструментам, и позволь мне жить как все".

23. И там, на вершине горы, голос сказал ему, и голос тот был ни мужским ни женским, ни громким ни тихим, и голос тот был безгранично добрым. И голос сказал ему: "Да исполнится воля не моя, но твоя. Ибо для тебя твоя воля – это моя воля. Иди своим путем, подобно всем остальным, и будь счастлив на земле".

24. И услышав это, Мессия обрадовался и, поблагодарив, спустился с горы, напевая незатейливую песенку. А когда толпа окружила его, моля его лечить за нее и учить за нее, и пичкать ее постоянно его пониманием и забавлять ее его чудесами, он, глядя на них, улыбнулся и сказал: "Я ухажу".

25. На мгновение толпа от удивления оцепенела.

26. И сказал он им: "Если человек сказал Богу, что больше всего он желает помочь миру, полному страданий, и неважно какой ценой, и Бог ответил и сказал ему, что он должен сделать, следует ли ему поступить, как ему было сказано?"

27. "Конечно, Учитель!" – закричала толпа. "Ему должно быть приятно испытать даже адские муки, если его об этом попросит Господь!"

28. "И неважно, каковы эти муки и насколько сложна задача?"

29. "Честь быть повешенным, слава быть распятым и сожженным, если о том попросил Господь," – сказали они.

30. "А что вы сделаете", – сказал Мессия толпе, – "если Господь обратится прямо к вам и скажет: **Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ В ЭТОМ МИРЕ ДО КОНЦА ТВОЕЙ ЖИЗНИ.** Что вы тогда сделаете?"

31. И толпа стояла в молчании, ни единого голоса, ни единого звука не было слышно на склонах горы и во всей долине, где они стояли.

32. И Мессия сказал в наступившей тишине: "На пути нашего счастья, да будет так, чтобы нашли мы учение, ради которого выбрали мы именно эту жизнь. Вот что открылось мне сегодня, и решаю я оставить вас, чтобы шли вы своей дорогой, как сами того пожелаете".

33. А он пошел своей дорогой, сквозь толпы, и покинул их, и вернулся в привычный мир людей и машин.

Была уже середина лета, когда я встретил Дональда Шимоду. За четыре года полетов я еще ни разу не видел ни одного пилота, занимающегося тем же, что и я – кочующего с ветром из города в город, чтобы катать пассажиров на стареньком биплане по три доллара за десять минут в воздухе.

Но однажды, пролетая чуть севернее городка Феррис, что в штате Иллинойс, я глянул вниз из моего "Флита", и увидел, что посреди желто-изумрудного поля стоял старый "Трэвэл Эйр 4000", сиявший золотой и белой краской.

У меня вольная жизнь, но бывает одиноко, иногда. Я смотрел на биплан там внизу, и после нескольких секунд раздумий решил, что ничего плохого не случится, если и я там ненадолго приземлюсь. Ручку газа на холостые обороты, руль высоты до отказа вниз, и "Флит" вместе со мной в широком развороте заскользил к земле. Свист ветра в стяжках между крыльями, я люблю этот нежный звук, неторопливое "пок-пок" старого мотора, лениво вращающего пропеллер. Летные очки подняты на лоб, чтобы лучше видеть землю при посадке. Кукурузное поле подобно зеленым джунглям шелестело все ближе, промелькнула изгородь, а затем впереди насколько хватало глаз лишь свежескошенное сено. Руль высоты и поворота на выход из снижения, аккуратное плавное выравнивание над землей, шорох соломы, подминаемой колесами, затем привычный звук удара, и вот они уже грохочут по твердой земле; все медленнее и медленнее, потом опять рев мотора – надо поближе подрулить к другому самолету, и остановка. Убрать газ, выключить зажигание, "клак-клак" – тихо докручивает пропеллер последние обороты и замирает в полнейшем безмолвии июльского дня.

Пилот "Трэвэл Эйр" сидел на траве, привалившись спиной к левому колесу своего самолета, и смотрел на меня. С полминуты я тоже смотрел на него пытаясь разгадать тайну его спокойствия. Я бы не смог быть таким невозмутимым, и просто так сидеть и смотреть, как чей-то самолет приземляется на том же поле и останавливается в десяти метрах от меня. Я кивнул, почему-то сразу почувствовав к нему какую-то симпатию.

"Мне показалось, что вы одиноки", – сказал я.

"Да и вы тоже".

"Не хотел бы беспокоить вас. Если я тут лишний, я полечу своей

дорогой".

"Нет. Я ждал тебя".

Тут я улыбнулся. "Прости, что задержался".

"Пустяки".

Я стянул летный шлем, вылез из кабины и спрыгнул на землю. Хорошо размяться после того, как проведешь пару часиков в кабине моего "Флита".

"Ты не против сэндвича с сыром и ветчиной?" – спросил он. "С сыром, ветчиной, а может еще и с муравьем". Ни рукопожатий, ни каких там церемоний знакомства.

На вид он не был слишком уж крепок. Длинные волосы, чернее чем резина на колесе, к которому он привалился спиной. Глаза темные, как у ястреба, такие глаза мне нравятся только у моих друзей, иначе я чувствую себя неуютно. Он напоминал мастера карате, собирающегося продемонстрировать свое бесшумное и неистовое искусство.

Я взял протянутый мне сэндвич и чашку воды из термоса.

"Кстати, кто ты?" – спросил я. "За годы, что я тут катаю фермеров, я еще ни разу не встречал другого такого же как и я бродягу".

"Я, пожалуй, вряд ли способен на что-нибудь еще", – сказал он, и в голосе его не было сожаления. "Был механиком, сварщиком, разбирал трактора; если я остаюсь в одном месте надолго, у меня начинаются неприятности. Поэтому я отремонтировал самолет и теперь тоже занялся этим бизнесом – летать по стране и катать фермеров".

"Слушай, а какие модели тракторов ты разбирал, а?" – я сам еще с детства с ума схожу от дизельных тракторов.

"Д-8" и "Д-9". Но это было недолго, в Огайо".

"Д-9"! Те, что размером с дом! С двойным редуктором на первой передаче, а они правда могут сдвинуть гору?"

"Чтобы двигать горы есть способы и получше", – сказал он с улыбкой, которая длилась лишь мгновение.

Я оперся спиной о нижнее крыло его самолета и целую минуту рассматривал его. Игра света... на него было трудно смотреть вблизи. Как будто вокруг его головы мерцал свет, какое-то смутное серебристое сияние.

"Что-то не так?" – спросил он.

"А какие неприятности у тебя начинаются?"

"Да так, ерунда. Просто сейчас мне нравится скитаться, также как и тебе".

Я взял свой сэндвич и обошел вокруг его самолета. Он был выпуска 1928 или 1929 года, но на нем не было ни единой царапины. Заводы не выпускают таких новеньких самолетов как этот, стоявший в поле, среди

скошенной травы. На его боках было по меньшей мере двадцать слоев лака, втертого рукой, а краска отражала солнце, словно на фюзеляж было туго натянуто зеркало. "Дон" – выписано золотыми готическими буквами чуть ниже его кабины, а на регистрационной карточке, укрепленной на летном планшете "Д.В. Шимода". Приборы были совершенно новыми, настоящие летные приборы того самого 1928 года. Искусно вырезанные из дуба ручка управления и руль высоты, регулятор качества и количества топливной смеси, а слева – ручка установки опережения зажигания. Теперь уже не встретишь ручки опережения зажигания даже на самых лучших отреставрированных старых самолетах. Нигде ни царапинки, на материале обтяжки фюзеляжа ни одной заплаты, ни одного масляного подтека на двигателе. На полу кабины ни единой соломинки, как будто самолет и не летал вовсе, а просто взял и материализовался тут же прямо на месте, провалившись в дырку размером в полстолетия. Я почувствовал неприятный холодок между лопаток. "И долго ты уже катаешь фермеров?" – спросил я его, глядя на самолет.

"Около месяца, вот уже пять недель".

Он обманывал. За пять недель полетов над полями, как ни крути, но твой самолет будет весь в пыли и масле, и наверняка в кабине на полу окажется хоть одна соломинка. Но эта машина... На ветровом щитке нет следов от масла, на кромках крыльев и хвоста нет пятен от травы, а на пропеллере – разбитой мошкары. Такого просто не может быть с самолетом, летающим летом в Иллинойсе. Я внимательно изучал "Трэвел Эйр" еще с пять минут, а затем вернулся и уселся в солому под крылом, лицом к пилоту. Я не испытывал страха, мне по-прежнему нравился этот парень, но что-то тут было не так.

"Почему ты говоришь мне неправду?"

"Я сказал тебе правду, Ричард", – ответил он. На моем самолете тоже написано имя владельца.

"Приятель, можно ли возить пассажиров целый месяц и совсем не запылить, или не запачкать маслом свой самолет? Не наложить хоть одну заплатку на материал? Не засыпать пол соломой?"

В ответ он спокойно улыбнулся. "Есть вещи, которых ты не знаешь".

В этот момент он показался мне пришельцем с далекой планеты. Я поверил ему, но никак не мог найти объяснение тому, каким образом его сияющий аэроплан оказался на этом кукурузном поле.

"Это верно. Но наступит день, когда я их узнаю. И тогда, Дональд, ты можешь забрать мой самолет, потому что для того, чтобы летать, он мне уже не понадобится".

Он посмотрел на меня с интересом и поднял свои смоляные брови. "Да ну? Расскажи".

Я обрадовался. Мою теорию готовы выслушать!

"Люди долго не могли летать, сдаётся мне, потому что они были уверены, что это невозможно, и именно поэтому они не знали первого простого принципа аэродинамики. Мне хочется верить, что есть и другой принцип: нам не нужны самолёты чтобы летать... или проходить сквозь стены, или побывать на других планетах. Мы можем научиться тому, как это делать без машин. Если мы захотим".

Он слегка улыбнулся и серьёзно кивнул. "И ты думаешь, что сможешь узнать то, о чем мечтаешь, катая пассажиров над кукурузными полями, по три доллара за полёт?"

"Единственное знание, которое важно для меня, это то, что я получил сам, занимаясь тем, чем я сам хотел. Но если бы, хоть это и невозможно, на планете нашёлся бы вдруг человек, который мог бы меня научить большому из того, что я хотел бы узнать, чем этому учат меня сейчас мой аэроплан и само небо, то я в тот же миг отправился бы, чтобы отыскать его. Или её".

Тёмные глаза пристально смотрели на меня.

"А тебе не кажется, что у тебя есть ведущий, если ты действительно хочешь обо всем этом узнать?"

"Да, меня ведут. А разве не ведут каждого из нас? Я всегда чувствовал, что за мной вроде бы кто-то наблюдает".

"И ты думаешь, что тебя приведут к учителю, который может помочь тебе".

"Да, если только этим учителем вдруг не окажусь я сам".

"Может быть, так оно все и происходит", – сказал он.

По дороге, поднимая за собой тучи пыли, к нам приближался современный новенький пикап. Он остановился у кромки поля. Из него вышел старик и девочка лет десяти. Пыль по-прежнему висела в воздухе, до того кругом было тихо.

"Катаете пассажиров?" – спросил старик.

Это поле нашёл Дональд Шимода, поэтому я промолчал.

"Да, сэр", – ответил он с улыбкой. "Хотите прокатиться?"

"А если бы вдруг и захотел, вы там, небось, начнете в воздухе всякие выкрутасы вытворять?" – в его глазах мерцал хитрый огонёк, а вдруг мы его и вправду примем за деревенского простака.

"Коли пожелаете, непременно, а так – ни к чему нам это".

"И обойдётся это, похоже, в целое состояние".

"Три доллара наличными, сэр, за девять-десять минут в воздухе. Это выходит по тридцать три с третьей цента за минуту. И стоит того, так мне потом почти все говорили, кто рискнул".

У меня было странное чувство постороннего, когда я сидел и слушал, как этот парень рекламировал полет. Мне нравилось, что он говорил без лишнего нажима. Я так привык к тому, как я сам зазываю пассажиров ("Ребята, гарантирую, что наверху на десять градусов прохладнее. Подниметесь туда, где летают только птички и ангелы! И все это лишь за три доллара. Лишь шесть полтинников"), что позабыл о том, что это можно делать и иначе.

В жизни летчика-скитальца таится некое напряжение. Я привык к нему, но от этого оно не исчезло: если пассажиров нет, то и есть нечего. А теперь, когда я сидел в стороне и мой обед от исхода беседы не зависел, я мог хоть разок расслабиться и понаблюдать.

Девочка стояла в стороне и тоже наблюдала. Светлые волосы, карие глаза, серьезное лицо. Она была здесь только из-за деда. Она не хотела лететь.

Гораздо чаще все бывает наоборот, сгорающие от нетерпения дети и опасливые взрослые, но профессиональная необходимость здорово развивает способность чувствовать такие вещи, и я точно знал, что эта девочка не полетела бы с нами, прожди мы ее хоть все лето.

"Кто из вас, джентельмены?" – спросил старик.

Шимода налил себе чашку воды.

"С вами полетит Ричард. У меня пока еще обед, разве что захотите подождать".

"Нет, сэр, я готов лететь. А мы можем пролететь над моей фермой?"

"Конечно", – сказал я. "Лишь укажите направление, в котором вам хотелось бы отправиться, сэр". Я выбросил из передней кабины моего "Флита" спальный мешок, ящик с инструментом и кастрюли, помог фермеру усесться на сиденье пассажира и застегнул ремень безопасности. Затем я сел в заднюю кабину и застегнул свой ремень.

"Дон, крутани, пожалуйста, пропеллер".

"Давай". Он взял свою чашку с водой и подошел к винту. "Как надо?"

"Не спеши. Крути медленно. Он сам пойдет прямо из ладони".

Каждый раз, когда кто-нибудь крутит винт "Флита", получается слишком резко, и по загадочным причинам двигатель не заводится. Но этот парень крутил винт абсолютно так как надо, будто занимался этим всю жизнь. Пружинка стартера щелкнула, в цилиндре проскочила искра, и старый мотор завелся тут же. Дон вернулся к своему самолету, сел и

заговорил с девочкой.

Взревев всеми своими лошадиными силами, мой "Флит" взметнул в воздух кучу сена и поднялся в небо, плавно набирая высоту: 30 метров (если двигатель откажет сейчас, мы приземлимся в кукурузе), 150 метров (а если сейчас, то мы можем вернуться и приземлиться на этом же свежескошенном поле... сейчас – чуть западнее есть подходящее пастбище), 240 метров – перехожу в горизонтальный полет на юго-восток, куда пальцем показывал старый фермер.

Через три минуты после взлета мы приблизились к ферме и сделали над ней круг. Под нами лежала усадьба, амбары цвета тлеющих углей, и дом, словно выточенный из слоновой кости, стоял посреди зеленого моря, задний дворик, где был их огород: там росли салат, помидоры и сладкая кукуруза.

Старик, сидевший в передней кабине, неотрывно смотрел сквозь проволоки, скрепляющие крылья моего биплана, на ферму, над которой мы кружили.

На крыльцо вышла женщина, одетая в синее платье с белым фартуком, и помахала нам рукой. Старик помахал в ответ потом они еще долго будут вспоминать, что несмотря на такую высоту видели они друг друга просто прекрасно.

Наконец, он повернулся ко мне и кивнул, говоря, что "уже хватит, спасибо, мы можем возвращаться". Я сделал большой круг над городом Феррис, чтобы жители узнали, что и их могут покатасть на самолете, а затем стал по спирали спускаться к нашему полю, чтобы показать им, где все это происходит. Как только я коснулся земли, сделав крутой вираж над кукурузой, самолет Дональда поднялся в воздух и сразу же повернулся к ферме, над которой я только что побывал.

Однажды я участвовал в аттракционе, где летало пять самолетов, и на мгновение ко мне вернулось то самое чувство напряженной работы, которое испытываешь, когда один самолет с пассажирами взмывает ввысь в тот момент, когда другой садится. Мы коснулись земли с небольшим толчком и, тихо шурша шинами, покатались к дальнему концу скошенного поля, вдоль которого проходила дорога.

Я выключил двигатель и помог старику, отстегнувшему свой ремень безопасности, спуститься на землю. Он достал бумажник из кармана куртки и, качая головой, отсчитал положенную сумму.

"Отличная поездка, сынок".

"Так точно, сэр. Мы предлагаем лишь первосортный товар".

"Твой друг, вот уж кто умеет предложить свой товар".

"Почему же?"

"Готов поспорить, что ему удалось бы продать снег эскимосам".

"С чего вы взяли?"

"Да все из-за девчонки. Надо же! Моя внучка, Сара, летит на самолете!" Он смотрел на кружащий над фермой биплан, который казался нам серебристой мошкой. Он говорил так, как говорил бы хладнокровный человек, заметив, что на засохшей березе во дворе вдруг расцвели цветы и появились налитые румяные яблоки.

"С самого рождения она терпеть не может высоты. Пускается в крик. Боится до ужаса. Сара скорее засунет руку в осинник, чем полезет на дерево. Не поднимется на чердак, даже если бы во дворе уже плескался Великий Потоп. Она творит чудеса с машинами, ладит с животными, но высоту совершенно не выносит. И вот тебе на – летит по воздуху".

Потом он заново просмаковал этот полет, припомнил и другие; он говорил, что раньше, много лет тому назад, через Гейлсберг и Монмоут частенько пролетали парни на таких же бипланах как у нас, и каких только штук они не выделывали.

Я смотрел, как к нам издалека приближается аэроплан, становится все больше и больше, опускается по спирали вниз, ложась на крыло намного круче, чем я мог бы позволить себе, катая девочку, которая боится высоты, скользит над кукурузой, пролетает над оградой и садится в поле сразу на три точки – что меня просто поразило. Должно быть Дональд Шимода много полетал на своем "Трэвэл Эйр", если он умеет его так сажать.

Самолет по инерции катился по полю и остановился точно около нас, пропеллер напоследок пропел "кланк-кланк" и замер. Я внимательно посмотрел на него. Ни единой мошки не разбилось о пропеллер, а в нем метра два с половиной.

Я поспешил на помощь, расстегнул девочке ремень безопасности, открыл маленькую дверку передней кабины и показал ей, куда надо наступать, чтобы не продавить матерчатое крыло.

"Ну, тебе понравилось?" – спросил я.

Она как будто и не слышала меня.

"Дед, я совсем не боялась. Мне не было ни капельки страшно, честно! Наш дом был совсем как игрушечный, и мама мне махала рукой, а Дон сказал, что мне было страшно потому, что когда-то я упала с высоты и умерла, но теперь мне уже больше не надо бояться! Дед, я стану летчицей! У меня будет самолет, я сама буду его чинить, летать куда захочу, катать пассажиров! Ведь можно, правда? Правда, здорово?"

Глядя на старика, Шимода улыбнулся и пожал плечами.

"Сара, это он тебе сказал, что ты будешь летчицей?"

"Нет, но я обязательно буду. Я уже и сейчас здорово разбираюсь в моторах, ты же знаешь!"

"Ну ладно, об этом ты поговоришь со своей матерью. Нам пора домой".

Они поблагодарили нас, и один зашагал, а другая вприпрыжку пустилась к пикапу, они оба изменились после того, что произошло в поле и в небе.

Подъехали две машины, затем еще одна, а позже, к полудню у нас собралась целая толпа желающих поглазеть на Феррис с высоты. Мы сделали по двенадцать или тринадцать вылетов, стараясь провести их побыстрее, а затем я сгонял на заправку в городе, чтобы привезти бензина для моего "Флита". Затем еще несколько пассажиров, и еще, вот уже вечер, но мы летали без перерыва до самого захода солнца.

Во всей этой спешке я забыл спросить о Саре и о том, что ей сказал Дон, придумал ли он эту историю о смерти, или думал, что так оно и было. Но время от времени, пока усаживались новые пассажиры, я внимательно осматривал его самолет. На нем по-прежнему не было ни царапинки, нигде ни пятнышка от масла, и он явно умудрялся в полете уворачиваться от мошкар, остатки которой мне приходилось стирать с моего лобового стекла каждый час.

Когда мы прекратили полеты, небо уже стало фиолетовым. А к тому времени, когда я разжег свою жестяную печку, уложив на сухие кукурузные стебли брикеты древесного угля, совсем стемнело, и сполохи огня отражались в наших самолетах, стоявших поблизости, выхватывая из мрака окружавшую нас золотистую солому.

Я заглянул в коробку с припасами. "На выбор: суп, рагу или макароны в томатном соусе," – предложил я. "А может хочешь груши или персики? Разогреть персики?"

"Все равно", – сказал он мягко. "Что угодно или совсем ничего".

"Ты что, не проголодался? Денек выдался жаркий!"

"Да выбор уж не больно заманчив. Давай, разве что на худой конец, рагу".

Я открыл банку с рагу моим перочинным ножом – это один из тех знаменитых швейцарских ножей, которые во время войны выдавали военным летчикам, в нем куча лезвий и я им очень гордился – проделал то же самое с банкой макарон, а потом поставил их на печку.

Мои карманы были набиты деньгами... наступал один из самых приятных моментов. Я вытащил бумажки и сосчитал, не особо стараясь их

расправлять. Всего набралось 147 долларов, и я начал считать в уме, что дается мне с великим трудом.

"Это будет... это будет... так, четыре и два в уме... сегодня было сорок девять полетов! Дон, я и "Флит" заработали больше сотни! А ты должно быть огреб больше двух, ты ведь все больше подвое катал?"

"Все больше..." – повторил он.

"Кстати, о том учителе, которого ты ищешь..." – начал он.

"Я не ищу никакого-такого учителя", – перебил я. "Я считаю денежки. Мне этого хватит на целую неделю, хоть и дождь зарядит, мне не страшно".

Он посмотрел на меня и улыбнулся. "Когда ты вдоволь накупаешься в своих деньгах, – сказал он, – не забудь передать мне мое рагу".

Необозримая толпа людей, закручиваясь водоворотом, бурлила вокруг одного человека, стоящего в самом ее центре. Вдруг люди превратились в океан, готовый поглотить этого человека, но вместо того, чтобы утонуть, он, насвистывая, пошел прямо по этому океану и исчез. Вместо океанской глади вдруг появилось свежескошенное поле. Аэроплан "Трэвэл Эйр 4000", сияющий белой и золотой краской, приземлился на этой траве, из кабины вылез пилот и повесил на бок самолета объявление, написанное на материале: "Катаю пассажиров. Совершите прогулку в небо всего за 3 доллара".

Когда я пробудился от этого сна, было уже три часа. Я помнил его во всех деталях и почему-то от этого был счастлив. Я открыл глаза и увидел стоявший рядом с моим "Флитом" большой биплан "Трэвэл Эйр", омытый лунным светом. Шимода сидел на спальном мешке, привалившись спиной к левому колесу своего самолета в той же позе, что и во время нашей первой встречи. Не то, чтобы я мог его ясно видеть, просто я знал, что он был там.

"Ну как, Ричард", – тихо сказал он в темноте. "Теперь тебе понятно, что же происходит?"

"Когда это "теперь"? Что происходит?" – спросил я спросонок. Я по-прежнему все помнил, и решил не удивляться, что он не спал.

"Твой сон. Парень, толпы и самолет", – объяснил он терпеливо. "Ты интересовался моим прошлым, теперь ты знаешь вполне достаточно. Об этом писали в газетах: Дональд Шимода, тот самый, которого начинали называть Механик-Месия, Американский Аватар, который в один прекрасный момент исчез на глазах у двадцати пяти тысяч очевидцев".

Я вспомнил, что читал эту историю – попалась мне на глаза, потому что занимала первую страницу местной газетки какого-то городка в штате Огайо.

"Дональд Шимода?"

"К вашим услугам", – сказал он. "Теперь ты знаешь, и не ломай больше себе голову на эту тему. Спи давай".

Но прежде чем заснуть я еще долго думал об этом.

"И тебе можно... я не думал... если у тебя такое предназначенье – быть Мессией, так ты, вроде, должен спасти мир, или нет? Я не знал, что Мессия может вот так все бросить и уйти". Я сидел верхом на обтекателе

моего биплана и вслух размышлял о своем новом друге. "Дон, брось мне, пожалуйста, ключ на семнадцать".

Он покопался в ящике с инструментом, нашел его и кинул мне. Как и все другие инструменты тем утром, брошенный ключ замедлил свой полет, а потом и вовсе остановился сантиметрах в тридцати от меня, лениво переворачиваясь в воздухе. Однако в тот момент, когда я коснулся его, он снова обрел свой немалый вес обычного хромованадиевого гаечного ключа. Положим, не совсем обычного. С тех пор, как дешевый ключ сломался у меня в руке, я покупаю себе только самый лучший инструмент, и этот, кстати, был знаменитый "Снэп-Он", который, как знает каждый механик, вовсе нельзя назвать "обычным гаечным ключом". Судя по цене, он явно был сделан из золота, но его просто приятно держать в руке, и ты можешь быть уверен, что уж он-то не сломается, что бы ты с ним ни делал.

"Конечно, ты можешь уйти! Бросить все что хочешь, если ты передумал это делать. Ты можешь перестать дышать, если захочешь". Ради собственного удовольствия он отправил в полет отвертку. "Поэтому я перестал быть Мессией, и если тебе кажется, что я защищаюсь, так может быть это от того, что я действительно все еще защищаюсь. Но уж лучше так, чем остаться и возненавидеть все это. Хороший мессия не испытывает чувства ненависти, и он свободен идти любым путем, каким пожелает. Это, конечно же, относится и к каждому. Мы все сыны Божьи, или дети Абсолюта, или идеи Разума или как ты там еще захотел бы это назвать".

Я подтягивал гайки крепления цилиндров двигателя. Мой движок Б-5 всем хорош, но эти гайки примерно через каждые сто часов полета хотят открутиться, поэтому лучше немного упредить их ретивость. Первая же гайка, естественно, провернулась на четверть оборота, и я с удовольствием похвалил себя за то, что мудро решил проверить их с утра прежде чем снова начну катать пассажиров.

"Ну хорошо, Дон, но знаешь, мне казалось, что Мессианство должно чем-то отличаться от другой работы. Вдруг бы Иисус снова пошел строгать доски, чтобы заработать себе на кусок хлеба? Может быть это только звучит так странно".

Он обдумал мои слова, стараясь понять, что я этим хочу сказать. "Я не понимаю, что ты этим хочешь сказать. Как раз странно именно то, что он вообще не бросил все, когда они впервые начали называть его Спасителем. Вместо этого, в ответ на эти дурные вести, он попытался объяснить им все логически: "Прекрасно, Я – сын Божий, но мы все его дети; Я – Спаситель, но и вы все тоже. Чудеса, которые я творю, может делать каждый из вас!" Каждый человек в здравом уме понимает это".

Наверху на обтекателе было жарко, но мне вовсе не казалось, что я занимаюсь каким-то тяжким трудом. Чем больше я хочу что-нибудь сделать, тем меньше я зову это тяжким трудом. Мысль о том, что благодаря моим стараниям цилиндры не улетят с двигателя, доставляет мне большое удовольствие.

"Ну скажи, что тебе нужен еще один ключ", – подсказал он.

"Ключ мне не нужен. И я, представь себе, настолько продвинуто духовно, что считаю все эти твои штучки, Шимода, всего лишь фокусами для простаков, на которые способен любой умеренно духовно развитый адепт. А может начинающий гипнотизер".

"Гипнотизер?! Парень, да ты меня вот-вот раскусишь! Ну уж лучше гипнотизер, чем Мессия. Что за скучная работа! Почему же я не знал, что это будет так скучно?"

"Ты знал", – сказал я мудро. Он лишь засмеялся.

"А ты когда-нибудь думал, Дон, что бросить все, в конце концов, будет совсем не так-то просто. Что тебе не удастся начать жизнь простых "нормальных людей?"

В ответ на это он смеяться не стал. "Ты прав, конечно", – сказал он, запустив пальцы в свою черную шевелюру. "Если я остаюсь в одном месте слишком долго, больше чем на день или два, люди начинают замечать, что я не такой как все. Ведь и умирающий может исцелиться, едва прикоснувшись к моему рукаву, так что не пройдет и недели, как я снова окажусь в середине толпы. А с самолетом я могу не сидеть на одном месте, никто и не знает, откуда я прилетел и куда я отправлюсь дальше, что меня прекрасно устраивает".

"Тебе придется намного тяжелее, чем ты думаешь, Дон. В наше время все движется от материального к духовному... пока очень медленно, но это движение не остановить. Я думаю, что мир не оставит тебя в покое".

"Не я им нужен, а чудеса! А творить их я могу научить кого-нибудь вместо себя; пусть он и будет Мессией. Я не скажу ему, что это скучное занятие. И кроме того: "Нет настолько большой проблемы, чтобы от нее нельзя было убежать".

Я спрыгнул с обтекателя на траву и начал подтягивать гайки на нижних цилиндрах. Несколько гаек пришлось дотянуть. "Ты, кажется, начал цитировать изречения знаменитой собачки Снупи?"

"Послушай, я буду цитировать истину, кто бы ее не изрекал".

"Дон, но ты не можешь убежать! Что, если мне надоест заниматься этим мотором и я начну молить тебя о том, чтобы ты сотворил мне вечный двигатель? Слушай, я отдам тебе все до гроша из того, что я успею

заработать сегодня, если ты научишь меня порхать по воздуху. А если ты не сделаешь этого, то я буду знать, что мне надо начинать молиться тебе, Святому, посланному чтобы облегчить мою непосильную ношу".

Он лишь улыбнулся, мне до сих пор кажется, он так и не понял, что не сможет убежать. Но как об этом мог знать я, если он не знал?

"А у тебя все было так же пышно, как в индийских фильмах? Толпы на улицах, миллионы рук ищут прикосновения, цветы и благовония, а для выступления – золотые платформы, устланные коврами с серебряными кистями?"

"Нет. Еще до того, как я попросил себе эту работу, я знал, что не смогу этого вынести. Поэтому я выбрал США, и мне достались лишь толпы".

Воспоминания причиняли ему боль, и мне было досадно, что я начал все это.

Он сидел на траве и продолжал говорить, глядя сквозь меня. "Я хотел сказать, ради Бога, если вы так сильно желаете свободы и радости, разве вы не видите, что ее нет вне вас? Скажи, что она есть у тебя, и она у тебя есть. Поступай как будто она твоя, и она у тебя появится. Ричард, что же в этом такого непонятного? Но они просто не хотели слушать, большинство из них. Чудеса... как те зрители автогонок, приходящие поглазеть на аварии, так и они приходили ко мне поглазеть на чудеса. Сначала ты просто не находишь себе места от чувства бессилия, а потом это все надоедает. Я понятия не имею, как это только другие мессии выносили такое".

"Когда ты так об этом рассказываешь, мессианство явно выглядит не столь уж заманчиво", – сказал я. Затем подтянул последнюю гайку и спрятал инструмент. "Куда мы направляемся сегодня?"

Он подошел к моей кабине и, вместо того чтобы стереть разбитую мошкарку с моего ветрового стекла, провел рукой – мошки ожили и улетели. Ну конечно, его собственное ветровое стекло не надо протирать, и теперь я знаю, что и его мотору не нужен ремонт.

"Я не знаю", – ответил он. "Я не знаю, куда мы сегодня направляемся".

"Что ты хочешь этим сказать? Ты знаешь прошлое и будущее всего на свете. Ты точно знаешь, куда мы отправимся".

Он тяжело вздохнул. "Да. Но я стараюсь об этом не думать".

Некоторое время, пока я занимался цилиндрами, я думал, вот повезло-то, мне достаточно лишь держаться этого парня, и больше не будет никаких проблем, ничего плохого не случится, и все будет отлично. Но то, как он произнес: "Я стараюсь об этом не думать", заставило меня вспомнить, что случилось с остальными мессиями, которых посылали в наш мир. Благоразумие завопило во мне, требуя сразу же после взлета повернуть на

юг и держаться от него как можно дальше. Но, как я уже говорил, летая в одиночку, бывает одиноко, и я был рад, что встретил его, просто потому, что появился человек, с которым можно поговорить, и при этом он отличает элерон от вертикального стабилизатора.

Мне надо было бы повернуть на юг, но после взлета я остался с ним, и мы полетели на северо-восток, направляясь в будущее, о котором он старался не думать.

"Откуда ты все это берешь, Дон? Ты знаешь так много, а может мне только так кажется. Нет. Ты действительно очень много знаешь. Или все приходит с практикой? Разве не надо специально учиться, чтобы стать Мастером?"

"Тебе дадут книгу".

Я повесил только что выстиранный шелковый шейный платок на растяжку крыла и посмотрел на Шимоду. "Книгу?"

"Руководство для Спасителей". Что-то вроде библии для Мастеров. У меня где-то есть, если хочешь взглянуть".

"Ну конечно! Ты хочешь сказать, что это обычная книжка, в которой говорится...?"

Он немного покопался в багажнике за подголовником пассажирского сиденья и достал небольшой томик в замшевой обложке.

СПРАВОЧНИК МЕССИИ НАПОМИНАНИЯ ДЛЯ ПРОДВИНУТОЙ ДУШИ

"Почему ты сказал "Руководство для Спасителей"? Здесь написано "Справочник Мессии".

"Что-то в этом роде". Он начал собирать вещи, лежащие на траве вокруг самолета, как будто подумал, что пришла пора снова отправляться в путь.

Я начал листать эту книжку, состоящую из афоризмов и коротких советов.

Перспектива – воспользуйся ей, или отвернись от нее.

Если ты открыл эту страницу, значит, ты забываешь, что все происходящее вокруг тебя нереально.

Подумай об этом.

Прежде всего вспомни, откуда ты пришел, куда ты идешь и почему ты заварил всю эту кашу, которую и расхлебываешь.

Помни, что ты умрешь ужасной смертью.

Все это хорошая тренировка, и тебе она понравится больше, если ты не будешь забывать об этих фактах.

Все же, отнесись к своей смерти с некоторой серьезностью.

Смех по пути на эшафот обычно бывает непонятен менее продвинутым жизнеформам, и они назовут тебя безумцем.

"Дон, ты читал о том, чтобы отказаться от перспективы?"

"Нет".

"Здесь написано, что ты должен умереть ужасной смертью".

"Не обязательно. Все зависит от обстоятельств и от того, как ты хочешь это обставить."

"А ты сам собираешься умирать ужасной смертью?"

"Я не знаю. В этом нет, пожалуй, особого смысла теперь, после того как я бросил свое дело. Вполне достаточно, наверное, тихого и скромного вознесения на небеса. Я решу окончательно через несколько недель, когда закончу то, зачем я сюда пришел".

Я думал, он шутит, как он иногда шутил, и не знал, что, говоря о нескольких неделях, он был абсолютно серьезен.

Я снова занялся книгой, уж точно, это были именно те знания, которые необходимы настоящему Мастеру.

Когда ты учишься – ты лишь открываешь для себя то, что ты давно уже знаешь.

Когда ты совершаешь поступки – ты показываешь, что ты действительно знаешь это.

Когда ты учишь – ты лишь напоминаешь другим, что они знают все это так же хорошо, как и ты.

Мы все учимся, поступаем и учим.

Единственная твоя обязанность в любой из данных тебе жизней заключается в том, чтобы ты был верен самому себе.

Быть верным кому-либо еще, или чему-либо еще невозможно, кроме того, это отличительный признак лжепророка.

Самые простые вопросы на самом деле самые сложные.

Где ты родился? Где твой дом?

Куда ты идешь?

Что ты делаешь?

Думай об этом время от времени, и следи за тем, как меняются твои ответы.

Лучше всего ты учишь тому, чему тебе больше всего надо научиться самому.

"Что это ты там затих, Ричард", – сказал Шимода, как будто собрался

поговорить со мной.

"Ага", – сказал я и продолжил чтение. Книжка была только для Мастеров, и я вовсе не хотел от нее отрываться.

Живи так, чтобы тебе никогда не пришлось стыдиться, если что-нибудь из того, что ты делаешь или говоришь, станет известно всему миру – даже если то, что станет известно, будет неправдой.

Твои друзья лучше узнают тебя в первую минуту вашей встречи, чем твои знакомые смогут узнать тебя за тысячу лет.

Лучший способ избежать ответственности заключается в том, чтобы заявить: "За это отвечаю я".

Я заметил, что книжка была какая-то необычная. "Дон, на страницах нет номеров".

"Нет", – подтвердил он. "Ты просто открываешь ее и попадаешь на то, что тебе необходимо больше всего".

"Волшебная книга!"

"Нет. Для этого подходит любая книга. Подойдет даже старая газета, если ее очень внимательно читать. А разве ты не делал так раньше? Думал о чем-нибудь, а затем открывал первую попавшуюся книгу, чтобы посмотреть, что она тебе подскажет?"

"Нет".

"Ну вот, так попробуй как-нибудь".

И я попробовал. Я закрыл глаза и подумал, что же должно случиться со мной, если я останусь с этим необычным парнем. С ним было здорово, но я не мог избавиться от чувства, что очень скоро с ним должно случиться что-то ужасное, и в тот момент мне хотелось бы быть подальше от этого места. Думая об этом, я раскрыл книгу и только потом уж открыл глаза и прочитал.

По жизни тебя ведет заключенное в тебе веселое призрачное существо, полное жажды познания, которое и есть твое истинное "Я".

Никогда не отворачивайся от возможного будущего, пока не убедишься, что тебе в нем нечему научиться.

Ты всегда волен передумать и выбрать себе какое-нибудь другое будущее, или какое-нибудь другое прошлое.

Выбрать другое прошлое? В прямом смысле этого слова, или в переносном, или что они имели в виду? "Я думаю, Дон, в моей голове это

просто не может уместиться. Я просто не знаю, как мне удастся все это выучить".

"Практика. Немножко теории и много практики", – сказал он. "На это уходит примерно дней десять".

"Дней десять".

"Да. Поверь в то, что ты знаешь все ответы, и ты их узнаешь. Поверь в то, что ты – Мастер, и ты им тут же станешь".

"Я никогда и не говорил, что хочу быть каким-то там мастером".

"Это правда", – подтвердил он, – "ты не говорил".

Но я так и не отдал эту книжку, а он не попросил ее обратно.

На Среднем Западе фермеру без хорошего поля не обойтись. Не обойтись без него и странствующим авиаторам – ведь надо быть поближе к своим клиентам. Подойдет лишь поле, расположенное рядом с городом, но так, чтобы не приходилось низко пролетать над домами; с калиткой в ограде и удобной дорогой к нему; достаточно длинное и ровное – для того, чтобы самолет мог безопасно взлетать и садиться, и не развалиться при этом от тряски по ухабам; чтобы с него уже убрали урожай, или оно было отведено под пастбище, но чтоб там не было коров – больших любителей полакомиться обшивкой. А главное, чтобы хозяин поля разрешил использовать его на денек для полетов.

Я думал об этом, пока мы летели на север посреди субботнего утра, мессия и я, и земля, расцвеченная изумрудами и золотом, потихоньку проплывала метрах в трехстах под нами. Самолет Дональда, громко фырча мотором, летел рядом с моим правым крылом, и его обшивка, словно зеркало, посылала во все стороны стаи солнечных зайчиков. Прекрасный самолет, думал я, но уж больно он велик для того, чтобы в наши трудные времена зарабатывать себе на кусок хлеба, скитаясь по стране. Конечно, он может взять сразу двух пассажиров, но он в два раза тяжелее моего "Флита", а для взлета или посадки ему надо намного больше места. Когда-то и у меня был "Трэвэл Эйр", но в конце концов мне удалось обменять его на "Флит", который может садиться на крошечных площадках, чаще всего встречающихся поблизости от городов. Мой самолет может сесть на поле длиной метров где-то сто пятьдесят, а "Трэвэл Эйр" надо метров триста-четыреста. Если связаться с этим парнем, подумал я, то его самолет свяжет мне руки.

И конечно же, как только у меня промелькнула эта мысль, я заметил аккуратное пастбище, прямо у самого городка, проплывающего внизу. Это было стандартное поле, длиной четыреста метров, разделенное пополам, вторая половина которого была продана городу под бейсбольную площадку.

Зная, что самолет Шимоды не сможет там приземлиться, я завалил мой маленький "Флит" на левое крыло, сбросил газ и камнем стал падать к земле. Колеса коснулись травы, как только я перелетел через ограду, и самолет замер, не добежав до другого края площадки метров пятьдесят. Я просто хотел немножко похвастаться, показать ему, на что способен "Флит" в умелых руках.

Я добавил газ и развернулся для взлета, но в этот момент увидел, что "Трэвэл Эйр" заходит на посадку. С опущенным хвостом и поднятыми вверх крыльями он напоминал могучего кондора, торжественно садящегося на траву.

Он медленно летел над самой землей, и у меня по спине побежали мурашки. Сейчас на моих глазах он разобьется. Чтобы посадить "Трэвэл Эйр" необходимо держать посадочную скорость хотя бы 95 километров в час, ибо он заваливается на хвост при 80, и неминуемо превращается в лепешку. Но вместо этого я увидел, как этот бело-золотой самолет замер в воздухе. Точнее не совсем замер, но он летел со скоростью не более 40 км/час – и это самолет, падающий вниз при 80! – замер и плавно коснулся травы всеми тремя колесами. Для посадки ему понадобилась лишь половина, или три четверти расстояния, которое пробежал мой "Флит". Я просто сидел в кабине и смотрел, как он подруливает поближе и выключает двигатель. Тогда я тоже выключил двигатель, по-прежнему удивленно не сводя с него глаз. Он сказал: "Ты нашел отличное поле. И от города близко".

Наши первые клиенты, двое молодых ребят на "Хонде" уже сворачивали на поле, чтобы поглядеть, что здесь такое происходит.

– Что это значит, близко от города? – закричал я, все еще оглохший от рева мотора.

– До него рукой подать!

– Нет, не то. Что это была за посадка? Как ты смог здесь приземлиться?

Он подмигнул мне – "Волшебство!".

– Нет, Дон, ну правда! Я видел, как ты приземлялся!

Он видел, что я был просто потрясен и довольно сильно испуган.

– Ричард, ты хочешь знать, как заставить гаечные ключи летать в воздухе, лечить все болезни, превращать воду в вино, гулять по волнам и сажать неуклюжие самолеты на 30-метровых клочках земли? Ты хочешь знать, как творить все эти чудеса?

Мне показалось, что он навел на меня луч лазера. "Я просто хочу знать, как ты смог здесь приземлиться..."

– Слушай! – крикнул он мне из своей кабины. – Этот мир? И все в нем? Иллюзии, Ричард. Абсолютно все в нем – иллюзии. Ты понимаешь это? – На его лице не было улыбки, как будто он неожиданно рассердился на меня за то, что я не знал всего этого раньше.

Мотоцикл остановился около хвоста его самолета, и ребята, судя по их виду, были бы не прочь прокатиться.

– Да, – это все, что я нашелся сказать в ответ – Иллюзии, понял тебя.

И тут они попросили его покатать их, а мне пришлось идти искать владельца поля, пока он сам не нашел нас, и взять у него разрешение денек полетать с его пастбища.

Единственное, что я могу сказать, описывая те взлеты и посадки самолета Дональда, это то, что его "Трэвэл Эйр" казался замаскированным вертолетом. Почему-то мне было намного проще примириться с видом тяжелого гаечного ключа, порхающего в воздухе, чем спокойно смотреть, как его самолет с пассажирами взлетает на скорости 40 километров в час. Одно дело поверить в левитацию, когда ты видишь ее своими глазами, и совсем другое дело – верить в чудеса. Я постоянно думал о том, что он сказал столь неистово. *Иллюзии*. Кто-то говорил об этом раньше, когда я был еще совсем маленьким, учился фокусам – это говорили цирковые волшебники! Они предупреждали нас: "Послушай, то что ты сейчас увидишь, на самом деле не чудо. Это не настоящее волшебство. Оно лишь производит такое впечатление, это иллюзия волшебства". А затем они доставали люстру из грецкого ореха и превращали слона в теннисную ракетку.

Повинуясь неожиданному приливу пронизательности, я достал "Справочник Мессии" из кармана и открыл его. На странице были напечатаны лишь два предложения:

Каждая проблема таит в себе бесценный дар. И ты создаешь себе проблемы – ведь эти дары тебе крайне необходимы.

Сам не знаю как, но эти слова несколько вывели меня из замешательства. Я продолжал перечитывать их снова и снова, пока не выучил наизусть.

Городок назывался Троя, и это пастбище обещало быть столь же прибыльным для нас, как и поле около Ферриса. Но в Феррисе я чувствовал себя более менее спокойно, а здесь в воздухе чувствовалось какое-то напряжение, и оно мне вовсе не нравилось.

Прогулка в воздухе была для наших пассажиров приключением, запоминающимся на всю жизнь, а для меня – все это рутина, к которой примешивалось чувство странной тревоги. Для меня приключением была встреча с этим парнем... невозможность того, как он взлетает и садится, и те странные вещи, которые он сказал, чтобы объяснить все это.

Каждый полет "Трэвэл Эйра" был самым настоящим чудом, но жители Трои были им не более удивлены, чем удивился бы я, услышав как в

полдень в каком-нибудь городке зазвонил колокол, не звонивший уже полвека... они просто не знали об абсолютной невозможности того, что происходило у них на глазах.

"Спасибо за полет!" – говорили они, и: "Вы только этим и зарабатываете... разве вы не работаете где-нибудь еще?" и "Почему бы вам не обосноваться где-нибудь в маленьком городке, вроде нашей Трои?", и "Джери! Твоя ферма не больше картонки для ботинок!"

В тот день нам пришлось жарко. Желающих прокатиться было хоть отбавляй, и мы должны были неплохо подзаработать. И в то же время, внутри меня голос начал повторять: *"улетай, улетай, улетай подальше отсюда"*. И раньше я, бывало, не обращал на него внимания, и каждый раз жалел об этом.

Часа в три у меня кончился бензин. Я дважды сходил на заправку с двумя 25-литровыми канистрами, и только тут до меня дошло, что я ни разу не видел, как заправляется Шимода. Он мог заправить самолет только перед прилетом в Феррис, но на моих глазах он летал уже восьмой час подряд, не доливая ни капли бензина. Я знал, что он был хорошим человеком и не причинит мне зла, но мне снова стало страшно. Если специально экономить топливо, лететь на бедной смеси при минимальных оборотах, то можно растянуть бак на пять часов полета. Но уж никак не на восемь часов сплошных взлетов и посадок.

Он продолжал летать, снова и снова взмывая в небо, пока я заливал бензин в мой центральный бензобак и добавлял масло в двигатель. Желающих полетать было много, и казалось, он просто не хотел их разочаровывать длительным перерывом.

Однако, я перехватил его, когда он помогал подняться мужу с женой в носовую кабину его самолета. Я старался говорить как можно спокойней.

– Дон, как у тебя с топливом? Бензина не надо? – я стоял у кончика его крыла с пустой канистрой в руке.

Он глянул мне прямо в глаза и нахмурился, удивившись, будто я спросил его, нужен ли ему воздух, чтобы дышать.

– Нет, – ответил он, и я почувствовал себя тупым первокласником, сидящим за самой дальней партой. – Нет, Ричард, бензина мне не надо.

Это обозлило меня. Я немножко понимаю в самолетных моторах и расходе бензина. "Ну ладно", – бросил я, – "а как насчет урана?"

Он рассмеялся, и я тут же растаял. "Нет, спасибо. Я загрузился еще в прошлом году". Он залез в кабину и улетел в высь, сделав очередной сверхъестественно медленный взлет.

Сначала я мечтал, чтобы все эти люди разошлись по домам, потом –

чтобы мы просто улетели отсюда побыстрее, бросив все, затем – что у меня хватит ума убраться отсюда в одиночку и немедленно. Я мечтал лишь о том, чтобы улететь и найти большое пустое поле вдали от города, чтобы просто посидеть и подумать, записать все, что происходит в мой бортжурнал, и попытаться найти в этом хоть какой-нибудь смысл.

Я сидел у своего самолета, дожидаясь пока Шимода снова приземлится, а затем подошел к его кабине, закрываясь от урагана, рожденного большим пропеллером.

– Я уже налетался, Дон. Отправлюсь в путь, приземлюсь где-нибудь подальше от городов и немножко отдохну. Летать с тобой было здорово. Как-нибудь увидимся, О'кей?

Он и глазом не моргнул. "Еще разик, и летим вместе. Один парень уж больно долго ждет".

– Ну хорошо.

Парень ждал, сидя в потрепанной инвалидной коляске. Казалось его вбила в сиденье огромная сила тяжести, но он был здесь потому, что хотел летать. Там, около своих машин ожидало еще человек сорок или пятьдесят, и все они жаждали поглазеть на то, как Дон собирается поднять этого парня из коляски в самолет.

А он об этом вовсе и не думал. "Ты хочешь лететь?" Человек в коляске криво улыбнулся и мотнул головой.

– Ну пойдем, пора! – сказал Дон тихо, как будто он говорил с человеком, долго стоявшим за боковой чертой поля, и настало уже время ему снова возвращаться в игру. Сейчас, глядя назад, можно сказать, что в тот момент необычной могла показаться лишь сила, звучащая в его голосе. Слова простые, но в то же время это был приказ, и парню надо было без разговоров вставать и идти в самолет. А потом произошло все так, как будто до этого парень просто играл свою роль калеки, и наконец доиграл уже заключительную сцену. Все было, как в кино. Немыслимая тяжесть исчезла, будто ее и не было, он выскочил из коляски и, удивляясь самому себе, пустился вприпрыжку к самолету.

Я стоял неподалеку и слышал его слова.

– Что вы сделали? – спросил он, – Что вы со мной сделали?

– Так ты полетишь, или нет? – повторил Дон. – Цена три доллара. Деньги вперед".

– Я лечу! – сказал он. Шимода даже не помог ему подняться наверх в кабину, хотя обычно он это делал.

Люди выскочили из машин. Послышались удивленные возгласы, но тут же все смолкло. Они были поражены – этот человек не ходил уже

одиннадцать лет, с тех пор как его грузовик рухнул с моста.

Подобно ребенку, приладившему крылья из простыни, он заскочил в кабину и уселся. При этом он так размахивал руками, будто ему их только что подарили.

Никто еще не успел вымолвить ни слова, а Дон нажал на газ, и самолет поднялся вверх, стремительно набирая высоту.

Бывало ли вам когда-нибудь очень хорошо и немножко страшно одновременно? С Шимодой мне пришлось испытать это не раз. Вот оно чудо – волшебное исцеление человека, судя по всему заслужившего его, и в то же время что-то нехорошее должно было случиться, когда эти двое вернуться. Люди, ожидавшие их появления, сбились в толпу, толпа становится неуправляемой, а это уже совсем плохо. Тянулись минуты, все неотрывно следили за маленьким бипланом, беззаботно парящим в лучах солнца, и вот-вот должно было случиться нечто ужасное.

"Трэвэл Эйр" сделал несколько крутых "восьмерок" пролетел по спирали, а затем он медленно пошел на посадку, напоминая тарахтящую летающую тарелку. Если у него хоть немного есть голова на плечах, он высадит пассажира на дальнем конце поля, быстро взлетит и исчезнет. Собиралось все больше и больше народу; какая-то женщина бежала изо всех сил, катя перед собой еще одну инвалидную коляску.

Он подрулил прямо к толпе, развернул самолет так, чтобы не задеть их пропеллером, и выключил двигатель. Люди подбежали к кабине, и мне показалось, что они готовы разорвать обшивку фюзеляжа, лишь бы добраться до этих двоих.

Может я поступил трусливо? Я не знаю. Я подошел к моему самолету, подкачал бензин, крутанул винт и завел двигатель. Затем я забрался в кабину, развернул "Флит" против ветра и взлетел. Я еще успел заметить, как Дональд Шимода сел на бортик своей кабины, а толпа окружила его со всех сторон.

Я повернул на восток, потом на юго-восток, а затем я приземлился на ночлег на первом же большом поле, на котором росли тенистые деревья и журчал ручей. А поблизости – ни одного города.

И сегодня я не могу сказать, что это такое на меня нашло. Страшное предчувствие чего-то рокового погнало меня прочь, прочь даже от этого необычного, загадочного парня по имени Дональд Шимода. Если в какое-то дело замешан рок, то даже сам Мессия не в силах меня удержать.

В поле было тихо – огромный безмолвный луг, а над головой бескрайнее небо... и тихо-тихо журчит ручей. Снова один. К одиночеству привыкаешь, но достаточно нарушить его хоть на день, и тебе придется привыкать к нему заново, с самого начала.

"Отлично. Неплохо провел время", – сообщил я громко лугу. "Все было занятно, и, наверное, я мог бы многому у него научиться. Но с меня довольно этих толп, даже когда они счастливы..., а уж если напуганы, то готовы распять кого-нибудь, или тут же начать поклоняться ему. Это не по мне".

Произнеся это, я внезапно осекся. Все эти слова в точности мог бы сказать Шимода. Почему он остался там? У меняхватило ума улететь, а я вовсе не был мессией.

Иллюзии. Что он хотел сказать об иллюзиях? Это значило больше, чем все, что он сказал или сделал до того – как он неистово произнес: "Это все иллюзии!", как будто с размаху хотел вбить эту идею в мою голову. Конечно же – это была та самая проблема, и мне нужен был скрытый в ней подарок, но я все же не понимал, что все это значит.

Немного погодя я развел костер и приготовил себе нечто вроде гуляша из остатков соевого мяса и сухой вермишели с двумя сосисками трехдневной давности, которым повторная варка вовсе не помешала. Ящик с инструментом лежал рядом с коробкой моих съестных запасов, и почему-то я выудил из него гаечный ключ "на 17", поглядел на него, чисто вытер и принялся помешивать им гуляш.

Я был совершенно один и ради забавы попытался заставить ключ полетать, как раньше это делал Дон. Если я подбрасывал его вверх и быстро мигал, когда он уже долетал до самого верха и собирался падать вниз, на мгновение у меня появлялось чувство, что он зависает в воздухе. Но когда он бухался вниз на траву, или мое колено, это ощущение тут же исчезало. Но ведь этот же самый ключ... Как ему удавалось?

Если все это иллюзия, мистер Шимода, то что же тогда реальность? И если эта жизнь – иллюзия, почему мы вообще живем? Наконец я сдался,

подбросил ключ еще пару раз и успокоился. И тогда, внезапно почувствовал радость, даже счастье, что я был там, где я был, и знал то, что я знал, хоть это и не было ответом на сущие вопросы мироздания и не срывало покров даже с нескольких иллюзий.

Когда я сижу в одиночестве, я иногда пою. "О, я и старая Краска!" – пел я, поглаживая крыло моего "Флита", преисполнившись истинной любви к машине (напоминаю, меня никто не слышал). "Мы будем скитаться в небесах, Перелетать с поля на поле, пока один из нас не сдастся..." – Музыку и слова я сочинял по ходу дела. "И я-то уж точно не сдамся, Краска, – если только не сломается лонжерон, ну тогда я его подвяжу... и мы снова полетим, и мы будем лететь... вперед... и только вперед!"

Песня эта бесконечна, когда я полон сил и радости, поскольку рифма здесь не очень-то и важна. Я перестал думать о проблемах мессии; я никак не мог узнать, кем он был, и что он имел в виду, поэтому я бросил эти бесплодные попытки и от этого был счастлив.

Часов в десять костер начал гаснуть, а с ним и мой песенный задор.

"Где бы ты ни был, Дональд Шимода", – сказал я, расстилая одеяло под крылом, – "я желаю тебе счастливого полета и чтобы тебя не преследовали толпы. Если ты этого хочешь. Нет. Беру свои слова назад. Я желаю, дорогой одинокий мессия, чтобы ты нашел то, что ты хочешь найти".

Когда я снимал рубашку, из кармана вывалился его "Справочник", и на открывшейся странице я прочел:

Узы, связывающие твою истинную семью не являются кровными, они основаны на уважении и радости, открываемых нам в жизни друг друга.

Редко члены одной семьи вырастают под одной и той же крышей.

Я не знал, каким образом все это касалось меня, и приказал себе никогда не допускать, чтобы какая бы то ни было книжка заменила мне мои собственные мысли. Я поворочался под одеялом, а затем уснул сразу, как гаснет выключенная лампа, сладко и без снов, под небом, расцвеченным тысячами звезд, которые были иллюзиями – что ж, возможно, но иллюзиями прекрасными – это уж точно.

Когда я проснулся, только-только начинало светать, небо было озарено розовым светом, кругом лежали золотые тени. Я проснулся не от света, а от того, что что-то касалось моей головы, очень и очень нежно. Я подумал, что это соломинка; в следующий раз я решил, что это букашка, хлопнул со

всего размаху и чуть не сломал руку... – гаечный ключ "на 17" несколько тяжеловат, чтобы хлопнуть по нему со всего размаху, тут-то сон спал с меня окончательно. Ключ отлетел к элерону, на секунду зарылся в траву, но затем величественно выплыл и снова повис в воздухе. Потом, по мере того, как я приходил в себя, не сводя с него глаз, он мягко опускался все ниже и ниже, упал на землю и замер. К тому моменту, когда я поднял его, он уже был тем самым старым знакомым и любимым гаечным ключом, таким же тяжелым и готовым заняться отвинчиванием всех этих болтов и гаек.

"Черт побери!"

Я никогда не говорю "черт побери" или "проклятье" – это осталось у меня с детства. Но я был совершенно ошеломлен, и больше сказать было просто нечего. Что происходило с моим ключом? Дональд Шимода был где-то там, за горизонтом, километрах по крайней мере в ста. Я повертел ключ в руках, внимательно осмотрел его, чувствуя себя обезьяной, которая тупо пялится на колесо, вертящееся у нее перед глазами. Этому должно быть какое-то простое объяснение.

Наконец, мне все это надоело, и я сдался. Бросив ключ в сумку с инструментом, я развел костер и достал сковородку. Спешить было некуда. Я мог оставаться здесь целый день, если бы захотел.

Оладья в сковородке уже поднялась, вот-вот пора была ее переворачивать, и тут я услышал звук, доносящийся с западной части неба.

Этот звук никак не мог принадлежать самолету Шимоды, никто не смог бы найти меня в этом поле, одном из миллионов полей Среднего Запада, но я знал, что это был он, и начал насвистывать, следя за оладьей и небом одновременно, стараясь придумать, что бы сказать небрежно эдакого, когда он приземлится.

Конечно же, это был "Трэвэл Эйр". Он низко пролетел над моим "Флитом", заломил лихой поворот, нырнул к земле и приземлился с положенной для нормальных самолетов скоростью. Он подкатился поближе и выключил двигатель. Я не сказал ни слова. Помахал ему рукой, но молча. И продолжал насвистывать.

Он вылез из кабины и подошел к костру.

"Привет, Ричард".

"Ты опаздываешь", – сказал я. "Оладья уже почти сгорела".

"Прости, пожалуйста".

Я вручил ему стаканчик воды из ручья и жестяную тарелочку с половинкой оладьи и куском маргарина.

"Ну как там все закончилось?" – спросил я.

"Все отлично", – сказал он с мимолетной улыбкой. "Едва унес ноги".

"Я уж начал в этом сомневаться".

Некоторое время он молча жевал оладью.

"Ты знаешь", – сказал он наконец, обдумывая поглощаемое, – "это просто отрава".

"А никто и не говорит, что ты обязан есть мои оладьи", – сказал я сердито. "Почему это все так ненавидят мои оладьи? Никто не любит мои оладьи! Почему это так, Небесный Учитель?"

"Дело в том", – сказал он, усмехнувшись, – и я сейчас говорю от имени Бога, что ты веришь в то, что они хороши, и поэтому на твой вкус они хороши. Попробуй свою оладью без глубокой веры в то, что ты веришь, и ты почувствуешь, что это нечто... вроде пожара... после наводнения... на мельнице, тебе так не кажется? Кстати, ты, конечно же, специально положил в оладью эту траву?"

"Прости. Она, видно, упала с моего рукава. Но тебе не кажется, что сама по себе оладья, нет, конечно же, не трава, и не этот немного подгоревший кусочек, нет, сама оладья по себе, тебе не кажется...?"

"Гадкая", – сказал он, возвращая мне всю свою половину оладьи, одного укуса ему оказалось вполне достаточно. "Я скорее умру с голода. Персики еще остались?"

"В коробке".

Как же он нашел меня на этом поле? Сыскать десятиметровый самолет, затерянный в десятках тысяч квадратных километров полей, вовсе не просто, особенно, если при этом лететь против солнца.

Но я дал себе слово не спрашивать. Если он захочет, он сам мне скажет.

"Как же ты нашел меня?" – спросил я. "Я ведь мог приземлиться, где угодно".

Он открыл банку с персиками и ел их с ножа... довольно сложное занятие.

"Все подобное взаимопритягивается", – пробормотал он, уронив ломтик персика.

"Что?"

"Космический Закон".

"А-а".

Я доел оладью и почистил сковородку песком из ручья. Конечно же, оладья удалась просто на славу.

"Может объяснишь? Как это получается, что я подобен вашей высокочтимой персоне? Или под словом "подобное" ты имел в виду, что наши самолеты похожи, да?"

"Мы, чудотворцы, должны держаться вместе", – сказал он. В его устах это прозвучало очень мягко, но мне почему-то стало не по себе.

"А... Дон. Ты сейчас сказал... Может ты уточнишь, что ты имел в виду под этим – "мы, чудотворцы"?"

"Судя по положению гаечного ключа "на 17" в ящике, я могу сказать, что сегодня утром ты баловался левитацией. Или я ошибаюсь?"

"Да ничем я не баловался! Я проснулся... эта штука разбудила меня, сама!"

"Ну да, сама". Он смеялся надо мной.

"Да, сама!"

"Ричард, да ты разбираешься в механике чудес столь же основательно, как и в приготовлении оладий!"

Тут я промолчал, просто сел на одеяло и замер. Если он собирался что-нибудь сказать, он сам скажет в свое время.

"Некоторые из нас начинают учиться таким вещам подсознательно. Наш бодрствующий ум не может их принять, поэтому мы творим чудеса во сне". Он посмотрел на небо, на первые облака. "Потерпи, Ричард. Мы все на пути к новым знаниям. Теперь они придут к тебе немного быстрее, и, оглянуться не успеешь, как станешь старым мудрым духовным маэстро".

"Что значит, не успеешь оглянуться? Я не хочу знать всего этого. Я не хочу ничего знать".

"Ты не хочешь ничего знать".

"Нет, я хочу знать, почему существует мир, и что он из себя представляет, и зачем я живу в нем, и куда я денусь потом... я хочу это знать. И научиться летать без самолета – вот моя мечта".

"Жаль".

"Что жаль?"

"Так не получится. Если ты узнаешь, что представляет из себя этот мир, как он устроен, ты чисто автоматически начнешь творить чудеса, то есть то, что другие назовут чудесами. Конечно же в этом нет ничего волшебного. Узнай то, что знает фокусник – и чуда больше нет". Он оторвался от созерцания неба. "Ты такой же как и все. Ты уже все это знаешь, только пока не отдаешь себе в этом отчета".

"Что-то я не припомню", – сказал я. "Что-то я не припомню, чтобы ты спрашивал меня, хочу ли я научиться этому, тому самому, из-за чего на твою голову свалились все эти толпы и несчастья. Похоже, что я об этом позабыл". И как только я это произнес, я почувствовал – сейчас он скажет, что я вспомню об этом позже, и что он будет прав.

Он вытянулся на траве, положив под голову мешок с остатками муки.

"Послушай, нечего бояться этих толп. Они не смогут и пальцем тебя тронуть, если ты этого не захочешь. Ты – Волшебник, запомни это. "Хоп", и ты стал невидимкой и прошел сквозь дверь".

"Толпа добралась до тебя в Трое, да?"

"А разве я сказал, что я этого не хотел? Я сам разрешил все это. Мне это нравилось. В каждом из нас есть махонькое желание поиграть на публику, иначе просто невозможно стать настоящим Мастером".

"Но разве ты не удалился от всего этого? Ведь я читал..."

"Все шло к тому, что из меня делали Единственного-и-Неповторимого-Постоянного Мессию, и с этим я покончил. Но я же не могу позабыть то, чему учился столько жизней, правда?"

Я закрыл глаза и жевал соломинку. "Слушай, Дональд. Хватит ходить вокруг да около. Почему бы тебе не взять и просто не рассказать мне, что происходит?"

Довольно долго он молчал, а потом сказал: "Может быть, лучше ты сам расскажешь мне. Ты расскажешь мне то, что я пытаюсь сказать, а я поправлю тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься".

Я с минуту обдумывал это предложение, а потом решил удивить его. "Ладно, я расскажу тебе". Затем я начал выдерживать паузу, чтобы посмотреть, насколько хватит у него терпения, если мой рассказ выйдет не таким уж складным. Солнце поднялось высоко, уже потеплело, где-то вдали тарахтел трактор – фермер в воскресенье занялся уборкой кукурузы.

"Ладно, я расскажу тебе. Прежде всего, – в том, что я увидел тебя на поле в Феррисе, вовсе не было случайности, правда?"

Он молчал, словно воды в рот набрал.

"Во-вторых, меду тобой и мной есть некий мистический договор, о котором, по всей видимости, я забыл, а ты помнишь".

Лишь тихое дуновение ветерка и фырчание трактора.

Одна часть моего "Я" прислушивалась и вовсе не считала, что это все выдумки. Я излагал правдивую историю.

"Я хочу сказать, что мы уже встречались три или четыре тысячи лет назад, плюс минус день. Нам нравятся одинаковые приключения, вероятно, мы одинаково ненавидим тех, кто разрушает, одинаково радуемся, узнавая новое, и познаем его примерно с одной скоростью. Память у тебя лучше. Наша встреча лишь иллюстрация к тому, что "Все подобное взаимопритягивается".

Я взял новую соломинку. "Ну как мои успехи?"

"Поначалу я думал, что мне с тобой придется долго возиться", – сказал он. "Да, придется, конечно, нелегко, но есть все же очень слабая надежда на

то, что ты уложишься в срок. Продолжай".

"С другой стороны, мне вовсе и ни к чему говорить, так как ты уже знаешь, что знают другие люди. Но если я не скажу об этом вслух, ты не будешь знать, что я знаю, что я знаю, а без этого я не смогу узнать ничего из того, что я хотел бы узнать". Я положил соломинку. "А ты-то что в этом ищешь, Дон? Зачем тебе возиться с такими людьми, как я? Когда человек так продвинут, как ты, все эти чудеса приходят к нему, как нечто второстепенное. Я не нужен тебе, ведь тебе от этого мира ничего не нужно".

Я повернул голову и посмотрел на него. Его глаза были закрыты. "Как бензин для "Трэвэл Эйра? – сказал он.

"Точно. Поэтому в мире остается только скука... нет приключений, когда ты знаешь, что тебя ничто на этой земле не может обеспокоить. Единственная твоя проблема заключается в том, что у тебя нет проблем!"

Я подумал, что просто замечательно все излагаю.

"Здесь ты не прав", – уточнил он. "Скажи мне, почему я бросил свою работу... ты знаешь, почему я бросил мессианство?"

"Толпы, ты сам сказал. Все хотели, чтобы ты творил для них чудеса".

"Да. Но это не главное, это во-вторых. Толпофобия – это твоя беда, не моя. Не толпы утомляли меня, а то, что этой толпе было совсем наплевать на то, что я пришел им сказать. Знаешь, можно пройти пешком по океану от Нью-Йорка до Лондона, творить золотые монеты из воздуха, а им все равно будет на это наплевать".

Когда он говорил это, он казался самым одиноким из живущих на этом свете. Ему не нужны были ни пища, ни кров над головой, ни деньги, ни слава. Он умирал от сжигавшей его потребности поделиться тем, что он знал, а всем было плевать, и никто не хотел слушать.

Я нахмурился, чтобы не заплакать.

"Да, но ты сам просил этого", – сказал я. "Если твое собственное счастье зависит от того, как поступает кто-то там еще, то я думаю, тебе действительно не сладко".

Он вскинул голову, и его глаза сверкнули так, будто я ударил его гаечным ключом. Я тут же подумал, что мне не стоит сердить этого парня. Легко изжариться, если в тебя попадет молния.

Затем он улыбнулся своей полуулыбкой.

"А ты знаешь, Ричард?" – медленно произнес он. "Ты – прав!"

Он снова замолчал, размышляя о том, что я сказал. Не замечая этого, я часами рассказывал ему о том, как мы когда-то встречались, какие знания ждали нас впереди – все эти идеи неожиданно вспыхивали у меня в голове.

Он очень тихо лежал в траве, не шевелясь, не произнося ни слова. К полудню я закончил излагать свою версию устройства Вселенной и всего, что в ней находится.

"... и я чувствую, что я всего лишь прикоснулся к самому началу, Дон, еще так много можно сказать. Откуда все это я вдруг узнал? Как все это приходит?"

Он не ответил.

"Если ты хочешь, чтобы я сам ответил на свой вопрос, я признаюсь, что не знаю. Почему сейчас я могу рассказывать все это, хотя раньше никогда даже не пытался? Что случилось со мной?"

Ответа не было.

"Дон? Скажи, пожалуйста, хоть пару слов".

Тишина... Я обрисовал ему панораму жизни, а мой Мессия, как будто он уже услышал все, что ему надо было услышать в той самой случайной фразе о его счастье, крепко спал.

В среду утром, часов в шесть, я еще спал, и вдруг "Бу-бу-Бум" – как зашумит, загрохочет, будто взорвалась музыкальная бомба. Мгновенно тысячеголосый хор запел что-то на латыни, оглушительно заиграли скрипки и задудели трубы, забухали барабаны. Земля содрогнулась, мой самолет покачнулся, и я вылетел из-под его крыла, как кот из высоковольтного трансформатора – шерсть дыбом.

В небе занимался холодный рассвет, облака были расцвечены буйными красками, но все это дрожало в невыносимом крещендо.

"Прекрати! Прекрати! Прекрати музыку немедленно!"

Шимода закричал так громко и так яростно, что я прекрасно слышал его даже в этом грохоте. Симфония тут же смолкла, осталось лишь эхо, уходившее все дальше и дальше. Затем зазвучала нежная святая песенка, тихая как шепот ветерка, словно музыка Бетховена, явившаяся во сне.

На него это не произвело никакого впечатления. "Слушай, я сказал, перестань!"

Музыка прекратилась.

"Ну наконец-то!" – сказал он.

Я глянул на него.

"Для всего ведь есть подходящее время и место?" – спросил он.

"Конечно, время и место, но..."

"Чуть-чуть небесной музыки – это здорово, если она тихонько звучит у тебя в голове, ну может еще по особым случаям, но с раннего утра, да еще так громко? Думай, что делаешь".

"Что я делаю? Дон, я крепко спал... я не понимаю тебя".

Он покачал головой, беспомощно пожал плечами, хмыкнул и полез в свой спальный мешок.

Выпавший "Справочник Мессии" лежал, раскрывшись, на траве. Я аккуратно перевернул его и прочел:

Утверждая, что ты чего-то там не можешь, ты лишаешь себя Всомогущества.

Да... в мессиях для меня было много непонятного.

В тот день мы прилетели в Хамонд, штат Висконсин, прокатали всех желающих, по понедельникам их обычно не так уж много, а затем пошли в городок пообедать. На обратном пути я сказал:

"Дон, я согласен, что ты прав, и жизнь действительно может быть интересной или скучной, или такой, какой мы сами решаем ее сделать. Но даже в свои лучшие времена я никак не мог понять, зачем мы вообще здесь. Расскажи мне об этом".

Мы как раз проходили мимо хозяйственного магазина (закрытого) и кинотеатра (открытого, в нем показывали вестерн "Батч Кассиди и Санданс Кид"), но вместо ответа он остановился.

"Деньги у тебя есть?"

"Навалом. А что?"

"Пойдем в кино", – предложил он. "Идешь?"

"Не знаю, Дон. Ты иди. А я пойду к самолетам. Не люблю надолго их бросать без присмотра". Что это вдруг ему приспичило в кино?

"С самолетами все в порядке. Пойдем в кино".

"Но оно уже началось".

"Ничего, немного опоздаем".

Он уже покупал себе билет. Я вошел за ним в темный зал, и мы сели сзади. Народу было немного, человек пятьдесят.

Вскоре я забыл, зачем мы пришли, и увлекся фильмом, который я всегда считал просто классическим, я его смотрю вот уже третий раз. Время в зале начало растягиваться и закручиваться в спираль, как это всегда бывает, когда фильм хорош; сначала я смотрел его, отмечая технические детали... как построена каждая сцена, как она переходит в следующую, почему она идет сейчас, а не потом. Я старался смотреть фильм с этой точки зрения, но увлекся им и все забыл.

В тот момент, когда на экране Батч и Санданс были окружены со всех сторон боливийской армией, почти в самом конце, Шимода тронул меня за плечо. Я наклонился к нему, не сводя глаз с экрана, думая, что он мог бы и потерпеть со своими замечаниями.

"Ричард?"

"Да?"

"Зачем ты здесь?"

"Это хороший фильм, Дон. Тише". Батч и Санданс, истекая кровью,

говорили о том, почему им надо отправляться в Австралию.

"А чем он хорош?" – спросил он.

"Мне интересно. Тихо. Я потом скажу".

"Отключись от него. Приди в себя. Это все иллюзии".

Мне надоело. "Дональд. Еще пару минут, и мы с тобой будем говорить, сколько захочешь. Но дай мне досмотреть кино, ладно?"

Однако, он снова прошептал громко и настоятельно:

"Ричард, зачем ты здесь?"

"Слушай, я здесь потому, что ты попросил меня прийти сюда!"

Я отвернулся и попытался досмотреть конец.

"Но ты не обязан был идти, ты мог сказать: "Нет, спасибо".

"Мне нравится этот фильм". Сидящий впереди повернулся и смерил меня взглядом. "Дон, мне нравится этот фильм, это что, плохо?"

"Нет, все в порядке", – сказал он, и до самого конца больше не проронил ни слова. Мы вышли из кино, прошли мимо свалки старых тракторов и направились в темноту, где на поле нас ждали наши самолеты. Собирался дождь.

Я думал о том, почему он так странно вел себя в кинотеатре.

"Ты ведь все делаешь неспроста, Дон?"

"Иногда".

"Но почему тогда этот фильм? Почему ты вдруг захотел, чтобы я посмотрел "Санданс"?"

"Ты задал вопрос".

"Да. Ты можешь на него ответить?"

"Вот мой ответ. Мы пошли в кино потому, что ты задал вопрос. Этот фильм был ответом на твой вопрос".

Он смеялся надо мной, я знал это.

"А о чем я тебя спросил?"

Наступила долгая и мучительная пауза. "Твой вопрос, Ричард, заключался в том, что даже в самые лучшие времена ты не мог понять, зачем мы здесь".

Я вспомнил. "И этот фильм был мне ответом".

"Да".

"Да?"

"Ты не понял", – сказал он.

"Нет".

"Это был хороший фильм", – сказал он, – "но самый непрекрасный фильм в мире все равно лишь иллюзия, не так ли? На экране ничто не движется, так только кажется. Свет становится то ярче, то темнее, а нам

кажется, что на плоском экране, установленном в темноте, есть движение".

"Пожалуй, все так". Я начинал понимать.

"Люди, все те, кто ходит на фильмы, зачем они приходят, если это всего лишь иллюзии?"

"Ну, это развлечение", – сказал я.

"Им интересно. Правильно. Раз".

"Они могут чему-нибудь научиться".

"Отлично. Всегда так. Новые знания. Два".

"Фантазия. Можно уйти от проблем".

"Это развлечение. Раз".

"Технические причины. Посмотреть, как сделан фильм".

"Учеба. Два".

"Уйти от скуки".

"Уход. Ты уже говорил".

"Общение. Быть вместе с друзьями", – сказал я.

"Причина, чтобы пойти, но не чтобы смотреть фильм. Все равно это развлечение. Раз".

И чтобы я там ни предлагал, все укладывалось в эти две причины; люди смотрят фильмы ради забавы, или ради новых знаний, либо ради того и другого вместе.

"И фильм – это вроде как наша жизнь, правильно, Дон?"

"Да".

"А тогда почему некоторые выбирают плохую жизнь, как фильм ужасов?"

"Они не просто приходят на фильм ужасов ради забавы, они с самого начала знают, что это будет ужасный фильм", – ответил он.

"Но почему?"

"Ты любишь фильм ужасов?"

"Нет".

"Но некоторые ведь тратят уйму денег и времени на то, чтобы посмотреть ужасы, или дурацкие мюзиклы, которые другим кажутся скучными и пустыми?" Он дал мне возможность ответить на этот вопрос.

"Да".

"И ты не обязан смотреть их фильмы, а они не обязаны смотреть твои. Это называется словом "свобода".

"Но почему людям хочется, чтобы их пугали? Или нагоняли на них тоску?"

"Потому, что они думают, что они заслужили это за то, что сами пугали кого-то, или им нравится чувство возбуждения, сопутствующее

страху, а может быть, они уверены, что все фильмы просто обязаны быть такими тоскливыми. Можешь ли ты поверить, что большинство, по причинам достаточно веским для них, получают искреннее удовольствие от уверенности, что они беспомощны в своих собственных фильмах? Нет, ты не можешь поверить".

"Нет, не могу".

"Пока ты не поймешь это, ты будешь продолжать удивляться, отчего некоторые несчастливы. Они несчастны потому, что они сами решают быть несчастными. Ричард, это так!"

"Гм".

"Мы – задорные и озорные существа, веселые дети Вселенной. Мы не можем умереть, и нам, как и иллюзиям на экране, ничто не может повредить. Но мы можем поверить в то, что нам очень плохо, и представить это в самых ужасающих и мучительных подробностях, на какие только способны. Мы можем поверить в то, что мы жертвы, что нас убивают, или что мы сами кого-то убиваем, и что мы – лишь пешки в борьбе Милостивой Судьбы и Злого рока".

"У нас много жизней?" – спросил я.

"Сколько фильмов ты посмотрел?"

"Ага!"

"Фильмы о жизни на этой планете, о жизни на других планетах; все, что имеет пространство и время – лишь фильм и иллюзии", – сказал он. "Но, пока что в наших иллюзиях мы можем многому научиться и неплохо позабавиться, правда?"

"А как далеко ты проводишь эту аналогию с фильмами?"

"А как далеко тебе бы хотелось? Ты сегодня посмотрел фильм отчасти от того, что я хотел его посмотреть. Многие выбирают себе жизни потому, что им нравится быть и работать вместе с друзьями. Актеры из сегодняшнего фильма и раньше играли вместе – "раньше или позже" – это зависит от того, какой фильм ты посмотрел первым; ты даже можешь видеть их на разных экранах одновременно. Мы покупаем себе билеты на эти фильмы, платя за вход своим согласием поверить в реальность пространства и реальность времени... Ни то, ни другое не истинно, но тот, кто не хочет заплатить эту цену, не может появиться на этой планете, или вообще в любой пространственно-временной системе".

"А есть такие люди, которые совсем не имели жизней в пространстве-времени?"

"А есть такие люди, которые совсем не ходят в кино?"

"Понял. Они учатся иначе?"

"Ты прав", – сказал он, довольный мною. "Пространство-время – это довольно примитивная школа. Но многие держатся этой иллюзии, даже если она и скучна, и они не хотят, чтобы в зале зажгли свет раньше времени".

"А кто сочиняет эти фильмы, Дон?"

"Ну не странно ли, как оказывается мы много знаем, если начнем спрашивать самих себя, а не других? Кто сочиняет эти фильмы, Ричард?"

"Мы сами", – сказал я.

"А кто играет?"

"Мы".

"А кто оператор, киномеханик, директор кинотеатра, билетер, кто смотрит за всем этим? Кто волен выйти из зала в середине, или в любое время, когда захочет, изменить, весь сценарий, кто волен посмотреть один и тот же фильм снова и снова?"

"Дай-ка подумать", – сказал я, – "Любой, кто захочет?"

"Ну, не достаточно ли тут свободы для тебя?" – спросил он.

"И поэтому фильмы так популярны? Потому, что мы инстинктивно знаем, что они так схожи с нашими жизнями?"

"Может быть и так, а может и нет. Да это и не важно. А что представляет собой кинопроектор?"

"Наш мозг", – сказал я. "Нет. Воображение. Это – наше воображение, как бы его не называли".

"А что такое сам фильм?" – спросил он.

"Вот этого я не знаю".

"То, что мы согласны допустить в наше воображение?"

"Может быть и так, Дон".

"Ты можешь держать бобину с фильмом в руке – он весь тут: начало, середина, конец – все сжато в одну секунду или одну миллионную долю секунды. Фильм существует вне времени, записанного на нем, и если ты знаешь, что это за фильм, ты знаешь в общих чертах, что там должно случиться, еще до входа в кинотеатр: там будут битвы и волнения, победители и побежденные, любовь и несчастье ты знаешь, что все это произойдет. Но для того, чтобы тебя захватил и унес этот фильм, для того, чтобы полностью насладиться им, тебе надо вставить его в проектор, и прокрутить его через объектив кадр за кадром; для того, чтобы погрузиться в иллюзию, обязательно необходимо пространство и время. Поэтому ты платишь свою монетку, и получаешь билет, и устраиваешься поудобнее, и забываешь о том, что происходит за стенами кинозала, и кино для тебя начинается".

"И никто на самом деле не страдает? Вместо крови – лишь красная краска, и слезы от лука?"

"Нет, это настоящая кровь", – сказал он. "Но судя по тому, как это влияет на наши истинные жизни, это все равно, что киношная кровь из кетчупа".

"А реальность?"

"Реальность божественно индифферентна, Ричард. Матери все равно, какую роль играет ее дитя в этих играх: один день он – "злодей", другой день он – "сыщик". Абсолют даже не знает о наших иллюзиях и играх. Он знает только Себя, и нас в своем подобии, совершенных и законченных".

"Я не уверен, хочу ли я быть совершенным и законченным. Расскажи о скуке..."

"Взгляни на небо", – сказал он, и от столь резкой перемены темы, я невольно взглянул на небо. Там высоко-высоко летели перистые облака, и восходящая луна серебрила их края.

"Прекрасное небо", – сказал я.

"Оно совершенно?"

"Конечно, Дон, небо всегда совершенно".

"Ты хочешь сказать, что несмотря на то, что небо меняется каждую секунду, оно всегда совершенно?"

"Ура, я молодец. Да!"

"И море всегда совершенно, и тоже всегда меняется", – сказал он. "Если бы совершенство было застоем, то рай был бы болотом. А Абсолют тебе вовсе не болотный кулик".

"Постоянно меняющееся совершенство. Да. Согласен".

"Ты согласился с этим уже давным-давно, если уж говорить о времени".

Мы шагали по дороге, и я спросил. "Дон, а тебе не скучно оставаться только лишь в одном измерении?"

"А я что, остаюсь только в одном измерении? А ты?"

"Почему, все, что я ни скажу, все неправильно?"

"А что, все, что ты ни скажешь, все неправильно?" – повторил он.

"Я думаю, что занялся не своим делом".

"Может лучше займешься торговлей недвижимостью?" – подсказал он.

"Недвижимостью или страхованием от несчастных случаев".

"В торговле недвижимостью, кстати, скрыто большое будущее".

"Ну ладно, я пошутил", – сказал я. "Не надо мне будущего. Ни прошлого. Я уж скорее стану добрым старым Мастером Мира Иллюзий. Похоже на это уйдет где-то неделя?"

"Ну, Ричард, я надеюсь, что не так долго!"
Я пристально посмотрел на него, но он не улыбался.

Дни совсем перепутались.

Мы летали как всегда, но я перестал различать это лето по названиям городов, или по выручке от нашей работы. Я начал делить это лето по тому, чему я научился, по разговорам, которые мы вели, когда работа заканчивалась, по чудесам, происходившим время от времени до тех пор, пока я наконец не узнал что они – вовсе не чудеса.

Представь себе образ прекрасной справедливой и совершенной Вселенной.

однажды прочитал я в "Справочнике Мессии"

А затем поверь только в одно: Абсолют уже создал ее в Своем воображении, и получше, чем смог это сделать ты.

День выдался спокойный... лишь изредка появлялись пассажиры. А в перерывах между полетами я учился разгонять облака.

Раньше я был летчиком-инструктором, и я знаю, что ученики всегда самые простые вещи делают невероятно сложными; я это прекрасно знаю, и вот я снова стал учеником, яростно хмурюсь и сверлю взглядом тучи. Мне для начала бы побольше теории, а потом практики. Шимода улегся под крылом "Флита" и делает вид, что спит. Я тихонько пнул его в руку, и он открыл глаза.

"Я не могу", – сказал я.

"Нет, можешь", – сказал он и снова закрыл глаза.

"Дон, но я пытался. И в тот самый момент, когда я думаю, что что-то начинает получаться, туча возвращается и начинает раздуваться еще больше прежнего".

Он тяжело вздохнул и сел. "Выбери мне облако. И, пожалуйста, поменьше".

Я выбрал самую здоровую и мрачную тучу на небе, высотой не меньше километра, облако клубящегося дыма, вырвавшегося из преисподней. "Та, что над силосной башней, вон там", – указал я. "Та самая, что начала чернеть".

Он молча взглянул на меня. "За что ты меня так ненавидишь?"

"Все потому, что я люблю тебя, Дон", – улыбнулся я. "Тебе не стоит размениваться на пустяки. Но если не нравится эта, я выберу что-нибудь поменьше..."

Он еще раз тяжело вздохнул и снова посмотрел на небо. "Я попытаюсь. Ну, которая?"

Я глянул в высь. Туча, это чудовище, принесшее миллионы тонн дождя, исчезла; на ее месте осталась лишь неровная дырка, в которой сияло голубое небо.

"Вот это да", – тихо пробормотал я.

"Если уж взялся за дело..." – процитировал он. "Нет, хоть мне и хотелось бы принять все те восхваления, которые ты мне столь безмерно воздаешь, я должен чистосердечно признаться тебе: это очень просто".

Он указал мне на малюсенькое облачко, висящее над головой. "Вот. Теперь твоя очередь. Готов? Давай".

Я уставился на эту дымку, а она глянула на меня. Я попытался

представить, что облако исчезло, представил себе вместо него пустое место, мысленно изжарил его тепловыми лучами, приказал ему исчезнуть и появиться где-нибудь там, подальше. Прошла минута, пять, семь, и медленно-медленно оно наконец исчезло.

"Ты не очень-то скор?" – спросил он.

"Но это у меня вышло впервые! Я только начинаю! Наперекор невозможному... ладно, невероятному, а ты вместо похвалы говоришь, что я не очень-то скор. Я – просто молодец, ты это сам знаешь".

"Поразительно. Ты был к нему так привязан, а оно все же исчезло".

"Привязан! Да я колошматил эту тучу всем, чем только мог! Шаровые молнии, лазерные лучи, пылесосы, размером с гору..."

"Отрицательная привязанность, Ричард. Если ты действительно хочешь, чтобы облако исчезло из твоей жизни, тебе ни к чему разводить вокруг этого столько шума. Тебе надо лишь расслабиться и убрать его из своих мыслей. Вот и все".

Облако не знает, почему оно движется именно в этом направлении и именно с этой скоростью,

– вот, что было написано в книге

оно чувствует лишь побуждение...

вот куда надо плыть сейчас. Но небо знает, куда и зачем плывут облака и какая картина ими пишется, и ты, тоже, это узнаешь, когда поднимешься достаточно высоко, чтобы взглянуть за горизонт.

Каждая мечта тебе дается вместе с силами, необходимыми для ее осуществления. Однако, тебе, возможно, придется ради этого потрудиться.

Мы приземлились на огромном пастбище неподалеку от небольшого пруда, вдали от городов, где-то на границе штатов Иллинойса и Индианы. Никаких пассажиров, устроим себе выходной, думал я.

"Послушай", – сказал он. "Впрочем, нет. Просто спокойно стой там и смотри. То, что ты сейчас увидишь вовсе не чудо. Почитай учебник физики... даже ребенок может ходить по воде".

Он повернулся и, словно не замечая, что там была вода, на несколько метров отошел от берега, шагая по поверхности пруда. Это выглядело так, будто пруд на самом деле был лишь миражом, родившимся в жаркий полдень над каменной твердыней. Он крепко стоял на поверхности, ни брызги, ни волны не заливали его летные ботинки.

"Давай", – сказал он, – "иди сюда".

Я видел это своими глазами. Это было возможно – ведь он стоял на воде, вот и я пошел к нему. Было такое ощущение, что иду по прозрачному голубому линолеуму, и я рассмеялся.

"Дональд, что ты со мной делаешь?"

"Я всего лишь показываю тебе то, чему все учатся рано или поздно", – сказал он, – "вот теперь ты и сам можешь".

"Но я..."

"Слушай. Вода может быть твердой", – он топнул ногой, и звук был такой, словно под ним был камень, – "а может и не быть". Он снова топнул и обрызгал нас с ног до головы. "Почувствовал? Попробуй сам".

Как быстро мы привыкаем к чудесам! Не прошло и минуты, как я начал думать, что хождение по воде возможно, естественно и... вообще, что тут такого?

"Но если вода сейчас твердая, как мы можем ее пить?"

"Так же как и ходить по ней, Ричард. Она не твердая, и не жидкая. Ты и я, сами решаем, какой она будет для нас. Если ты хочешь, чтобы вода была жидкой, думай, что она жидкая, поступай так, будто она жидкая, пей ее. Если хочешь, чтобы она стала воздухом, действуй так, будто она – воздух, дыши ею. Попробуй".

Может, это связано с присутствием столь продвинутого существа, подумал я. Может, таким вещам позволительно происходить в определенном радиусе, скажем, метров пятнадцать вокруг них...

Я встал на колени и засунул руку в пруд. Жидкость. Затем я лег на его поверхность, погрузил голову в синеву и, исполненный веры, сделал вдох. Казалось, что я дышу теплым жидким кислородом, дышалось легко и свободно. Я сел и вопросительно посмотрел на него, ожидая, что он без слов поймет то, что вертелось у меня в голове.

"Говори", – приказал он.

"Зачем мне говорить вслух?"

"Потому, что то, что ты хочешь сказать, точнее выразить словами. Говори".

"Если мы можем ходить по воде, дышать ею и пить ее, почему мы не можем то же самое делать и с землей?"

"Правильно. Молодец. Смотри..."

Он легко подошел к берегу, будто шагал по нарисованному озеру. Но в тот момент, когда его ноги ступили на прибрежный песок, он начал погружаться и, сделав несколько шагов, ушел по плечи в землю, покрытую травой. Казалось, что пруд неожиданно превратился в остров, а земля вокруг стала морем. Он немного поплавал в пастбище, плескаясь и поднимая темные жирные брызги, затем поплавал на самой его поверхности, а потом встал и пошел по нему. Неожиданно, я увидел чудо – человек шел по земле!

Я, стоя на пруду, заплодировал ему. Он поклонился и заплодировал мне.

Я подошел к краю пруда, подумал, что земля жидкая и тронул ее носком ботинка. По траве кругами пошли волны. Насколько здесь глубока земля? Чуть было не спросил я вслух. Земля будет настолько глубока, насколько я сам решу. Полметра, решил я, она будет глубиной полметра, и я перейду ее вброд.

Я уверенно ступил на берег и тут же провалился с головой. Под землей было черно и страшно, затаив дыхание, я рванулся на поверхность, стараясь ухватиться за твердую воду, уцепиться за край пруда.

Он сидел на траве и хохотал.

"Ты – блестящий ученик, знаешь?"

"Никакой я тебе не ученик! Вытащи меня отсюда".

"Сам вылазь".

Я перестал барахтаться. Я представлю землю твердой и смогу легко из нее вылезти. Я представил ее твердой и вылез... с ног до головы

измазанный черной грязью.

"Ну, парень, и перемазался же ты!"

На его голубой рубашке и джинсах не было ни пылинки, ни пятнышка.

"А-а-а!" Я начал вытряхивать землю из волос и ушей. Наконец я бросил бумажник на траву, вошел в жидкую воду и начал чиститься традиционным влажным способом.

"Я знаю, есть и лучший способ чистки".

"Да, есть способ сделать это побыстрее".

"Уж пожалуйста не рассказывай мне о нем. Сиди там и хохочи, а я уж как-нибудь сам до него додумаюсь".

"О'кей".

В конце концов, громко хлюпая ботинками, я побрел к самолету, переоделся и развесил мокрую одежду сушиться на стяжках крыльев.

"Ричард, не забудь то, что ты сделал сегодня. Очень легко забыть те моменты, когда ты понимал мир, и потом решить, что это был просто сон или чудо. Ничто хорошее – не чудо, ничто прекрасное – не сон".

"Ты сам сказал, что мир – это сон, и он прекрасен, иногда. Закат. Облака. Небо".

"Нет. Их образ – это сон. Красота реальна. Ты чувствуешь разницу?"

Я кивнул, почти понимая его. Позже я украдкой глянул в "Справочник Мессии".

Мир – это твоя ученическая тетрадка, страницы, на которых ты решаешь задачи.

Он нереален, хоть ты и можешь выразить в нем реальность, если пожелаешь.

Ты также волен писать чепуху, или ложь, или вырывать страницы.

Истинный первородный грех заключается в ограничении Абсолюта. Не делай этого.

Был свежий теплый полдень, ливень ненадолго прекратился, и тротуары, по которым мы шагали из города к самолетам, были все еще мокрыми.

"Ты ведь можешь проходить сквозь стены, да, Дон?"

"Нет".

"Когда ты говоришь "нет", а я знаю, что на самом деле можешь, это означает, что тебе не нравится, как я сформулировал вопрос".

"Мы крайне наблюдательны", – сказал он.

"Все дело в "проходить" или в "стенах"?"

"Да, но не только. Твой вопрос предполагает, что я существую в одном ограниченном пространстве-времени и перемещаюсь в другое пространство-время. Сегодня у меня нет желания соглашаться с твоими ложными предположениями обо мне".

Я нахмурился. Он знал, о чем я спрашивал. Почему бы ему не ответить просто на мой вопрос и дать мне возможность узнать, как он это делает?

"Этим я пытаюсь помочь тебе поточнее формулировать свои мысли", – сказал он мягко.

"Ну ладно. Ты можешь сделать так, чтобы казалось, что ты можешь пройти сквозь стену. Так лучше?"

"Да, лучше. Но, если ты желаешь быть точным..."

"Не подсказывай мне. Я знаю, как сказать то, что я хочу. Вот мой вопрос. Каким образом ты можешь переместить иллюзию ограниченного чувства личности, выраженного в этом представлении пространственно-временного континуума, как твое "тело", через иллюзию материальной преграды под названием "стена"?"

"Прекрасно!" – одобрил он. "Когда ты правильно задаешь вопрос, он сам отвечает на себя, не так ли?"

"Нет. Этот вопрос не ответил сам на себя. Как ты проходишь сквозь стены?"

"РИЧАРД! Ты был почти у цели, а затем все испортил! Я не могу проходить сквозь стены... когда ты говоришь это, ты допускаешь существование вещей, которых я вовсе не допускаю, а если и я начну

думать так же, как и ты, то ответ будет: я не могу".

"Но так сложно, Дон, выражать все очень точно. Разве ты не знаешь, что я хочу сказать?"

"И от того, что что-то очень сложно, ты не пытаешься это сделать? Научиться ходить вначале тоже было тяжело, но ты позанимался этим, и теперь, глядя на тебя, может показаться, что это вовсе нетрудно".

Я вздохнул. "Да. Ладно. Забудь об этом вопросе."

"Я о нем забуду. Но у меня есть вопрос к тебе, а ты можешь?" Он глянул на меня с таким видом, будто ему было на это совершенно наплевать.

"Итак, ты говоришь, что тело – это иллюзия, и стена – это иллюзия, но личность реальна, и ее нельзя остановить никакими иллюзиями".

"Не я это говорю. Это ты сам сказал".

"Но это так".

"Естественно", – подтвердил он.

"И как ты это делаешь?"

"Ричард, тебе не надо ничего делать. Ты представляешь, что это уже сделано, вот и все".

"Надо же, как все просто".

"Как научиться ходить. Потом ты начинаешь удивляться, что в этом было такого сложного".

"Дон, но проходить сквозь стены для меня сейчас совсем несложно; это просто невозможно".

"Ты, наверное, думаешь, что если повторишь "невозможно-невозможно-невозможно" тысячу раз, то все сложное для тебя вдруг станет простым?"

"Прости. Это возможно, и я сделаю это, когда придет время мне это сделать".

"Поглядите только на него, он ходит по воде, яко по суху, и опускает руки от того, что не проходит сквозь стены".

"Но то было просто, а это..."

"Утверждая, что ты чего-то не можешь, ты лишаешься всемогущества", – пропел он. "Не ты ли неделю назад плавал в земле?"

"Ну плавал".

"А разве стена, это не просто вертикальная земля? Разве тебе так уж важно, как расположена иллюзия? Горизонтальные иллюзии легко преодолеть, а вертикальные нет?"

"Мне кажется, я начинаю наконец понимать тебя, Дон".

Он посмотрел на меня и улыбнулся. "Как только ты поймешь меня,

придет пора оставить тебя на время наедине с самим собой".

На окраине городка стояло большое хранилище зерна и силоса, построенное из оранжевого кирпича. Казалось, что он решил вернуться к самолетам другой дорогой и свернул в какой-то переулок, чтобы срезать путь. Для этого надо было пройти сквозь кирпичную стену. Он круто повернул направо, вошел в стену и пропал из виду. Теперь я думаю, что, если бы сразу же повернул за ним, я бы тоже смог пройти сквозь нее. Но я просто остановился на тротуаре и посмотрел на место, где он только что был. Затем я коснулся рукой стены, она была из твердого кирпича.

"Когда-нибудь, Дональд", – сказал я, – "когда-нибудь...", и в одиночестве пошел кружным путем к самолетам.

"Дональд", – сказал я, когда добрался до поля. "Я пришел к выводу, что ты просто не живешь в этом мире".

Он удивленно посмотрел на меня с крыла своего самолета, где он учился заправлять бензин в бак. "Конечно нет. Можешь ли ты мне назвать кого-нибудь, кто живет в нем?"

"Что ты хочешь этим сказать, могу ли я назвать кого-нибудь, кто живет? Я! Я живу в этом мире!"

"Превосходно", – похвалил он, как будто мне удалось самостоятельно раскрыть страшную тайну. "Напомни потом, что сегодня я угощаю тебя обедом. Я просто поражен, что ты умеешь постоянно учиться".

Это сбilo меня с толку. Он говорил без сарказма и иронии; он был абсолютно серьезен. "Что ты хочешь сказать? Конечно же я живу в этом мире. Я и еще примерно четыре миллиарда человек. Это ты..."

"О, боже, Ричард! Ты серьезно! Обед отменяется. Никаких бифштексов, никаких салатов, ничего! Я-то думал, что ты овладел главным знанием". Он замолчал и посмотрел на меня с сожалением. "Ты уверен в этом. Ты живешь в том же мире, что и, например, биржевой маклер, да? И твоя жизнь, как мне кажется, только что круто изменилась из-за новой политики Биржевого комитета – от перераспределения министерских портфелей с пятидесятипроцентной потерей вложений для держателей акций? Ты живешь в том же мире, что и шахматист-профессионал? Нью-Йоркский открытый турнир начинается на этой неделе. Петросян, Фишер и Браун сражаются за приз в полмиллиона долларов. Что же ты тогда делаешь на этом поле в Мейленде, штат Огайо? Ты и твой биплан, "Флит", выпуска 1929 года, здесь, на фермерском поле, и для тебя нет ничего важнее, чем разрешение использовать это поле для полетов, люди, желающие покататься на самолете, постоянный ремонт мотора и то, чтобы, не дай бог, не пошел град... Сколько же, по твоему, человек живет в твоём

мире? Так ты стоишь там, на земле, и серьезно утверждаешь, что четыре миллиарда живут не в четырех миллиардах разных миров, ты серьезно собрался это мне доказать?" – он так быстро говорил, что начал задыхаться.

"А я уже прямо чувствовал, как картошка тает на языке", – сказал я.

"Очень жаль. Очень хотелось мне тебя угостить. Но с этим все, лучше и не вспоминать".

И хоть тогда я в последний раз обвинил его в том, что он не живет в этом мире, прошло еще много времени, прежде чем я понял слова, на которых открылась книжка:

Если ты немного потренируешься, живя как придуманный персонаж, ты поймешь, что придуманные герои иногда более реальны, чем люди, имеющие тело и бьющееся сердце.

Твой эгоизм – это мерило искренности твоего желания быть самим собой. Прислушивайся к его советам внимательно.

"Мы все свободны делать то, что мы хотим", – сказал он той ночью. "Ведь это так просто, ясно и понятно. Вот великий путь к управлению Вселенной".

"Да, почти. Ты забыл об очень важной детали", – уточнил я.

"Какой же?"

"Мы все свободны делать то, что хотим, пока мы не вредим кому-либо", – напомнил я. "Я знаю, что ты хотел это сказать, но следует говорить вслух то, что имеешь в виду".

В темноте внезапно что-то зашуршало, и я быстро взглянул на него. "Ты слышал?"

"Да. Похоже там кто-то есть..." Он поднялся и ушел в темноту. Внезапно он засмеялся и произнес имя, которое я не расслышал. "Все нормально", – сказал он, – "нет, мы будем рады тебе... зачем тут стоять... пойдем, мы тебе действительно рады..."

Незнакомец отвечал с сильным акцентом, что-то похожее на румынский. "Спасибо. Мне бы не хотелось вторгаться в вашу компанию."

Вид человека, которого он привел с собой к костру, как бы это сказать, был несколько неожиданным для ночной поры в этих краях. В его облике было что-то волчье, пугающее. Гладко выбритый мужчина небольшого роста, одет в вечерний костюм и черную накидку с красной атласной подкладкой, на свету он чувствовал себя неудобно.

"Я проходил мимо", – бормотал он. "Поле короче идти до моего дома..."

"Да ну..." – Шимода не верил этому человеку, знал, что он врет, и в то же время изо всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. Я надеялся, что тоже вскоре все пойму.

"Устраивайтесь поудобнее", – предложил я. "Можем ли мы чем-нибудь помочь?" На самом деле у меня не было такого уж сильного желания помогать ему, но он так ежился, что мне хотелось, чтобы он хоть немного расслабился, если конечно сможет.

Он посмотрел на меня с отчаянной улыбкой, от которой я похолодел. "Да, вы можете помочь мне. Мне это крайне необходимо, иначе бы я не

попросил. Можно я попью вашей крови? Совсем чуть-чуть? Это моя пища; мне нужна человеческая кровь..."

Может быть во всем виноват акцент, он знал английский не так уж хорошо, или я не понял его слов, но я вскочил на ноги быстрее, чем когда-либо за много последних лет, подняв в воздух целую тучу соломинок.

Он отступил. Обычно я безобиден, но я не так уж мал, и, возможно, вид у меня был угрожающим. Он отвернулся. "Сэр, простите меня! Простите. Пожалуйста, забудьте, что я говорил что-то о крови! Но понимаете..."

"Что вы там такое бормочите?" – от испуга мой голос звучал очень яростно. "Какого черта вам надо, мистер? Я не знаю, кто вы такой, может вы вроде вам..."

Шимода оборвал меня до того, как я смог закончить это слово. "Ричард, наш гость говорил, а ты его перебил. Пожалуйста, продолжайте, сэр; мой друг несколько нетерпелив".

"Дональд", – сказал я, – "этот тип..."

"Успокойся!"

Это настолько удивило меня, что я успокоился и с некоторым страхом вопросительно посмотрел на незнакомца, вытасченного из родной ему темноты на свет нашего костра.

"Пожалуйста, поймите меня. Я не виноват, что родился вампиром. Не повезло. У меня мало друзей. Но мне необходимо немного свежей крови каждую ночь, или я чувствую страшную боль, а если не достать ее дольше, то я не могу жить! Пожалуйста, мне будет очень плохо, – я умру – если вы не разрешите мне попить вашей крови... совсем немного, мне больше пол-литра и не надо..." Он сделал шаг вперед, облизываясь, думая, что Шимода каким-то образом руководит мной и заставит меня подчиниться.

"Еще один шаг, и кровь обязательно будет. Мистер, если вы только прикоснетесь ко мне, вы умрете..." Я бы не убил его, но я очень хотел связать его, для начала, и уж потом продолжить наш разговор.

Он, должно быть, поверил мне, поскольку он остановился и вздохнул. А затем, повернулся к Шимоде. "Ты доказал, что хотел?"

"Я думаю, да. Спасибо".

Вампир посмотрел на меня, улыбнулся, полностью расслабившись. Он наслаждался, как актер на сцене, когда представление закончилось. "Я не буду пить твою кровь, Ричард", – сказал он дружелюбно, на прекрасном английском и совсем без акцента. Прямо у меня на глазах он начал таять в воздухе, как будто внутри него выключился свет... через пять секунд он исчез.

Шимода опять подсел к костру.

"Я очень рад, что ты только пугал его!"

Я все еще дрожал от избытка адреналина в крови, готовый к схватке с монстром. "Дон, я не уверен, что я гоюсь для этого. Может ты лучше расскажешь мне, что тут происходит. Например, что... это было?"

"Это был вампир из Трансильвании", – сказал он с еще большим акцентом, чем говорило то чудище. "Или, если быть точным, это была мыслеформа вампира из Трансильвании. Если ты когда-нибудь захочешь рассказать о чем-нибудь, а тебе покажется, что тебя не слушают, сотвори им небольшую мыслеформочку, чтобы проиллюстрировать то, что ты хочешь сказать. Тебе кажется, что я перестарался, эта накидка, клыки, акцент? Он слишком сильно тебя напугал?"

"Накидка была первоклассная, Дон. Но он был уж больно стереотипен, даже слишком... Мне вовсе было не страшно".

Он вздохнул. "Ну ладно. Но ты, по крайней мере, понял, о чем я говорил, и это главное".

"О чем ты говорил?"

"Ричард, когда ты так яростно набросился на моего вампира, ты поступал так, как ты сам того хотел, несмотря на то, что ты думал, что это повредит кому-то. Он даже сказал тебе, что ему будет плохо, если..."

"Он собирался напиться моей крови!"

"Что мы делаем всякий раз, когда говорим людям, что нам будет плохо, если они не поступят, как мы этого хотим".

Я надолго замолчал, обдумывая все это. Мне всегда казалось, что мы свободны поступать, как пожелаем, если это не вредит кому-нибудь, но это не подходило. Чего-то не хватало.

"Тебя сбивает с толку", – подсказал он, – "общепринятая трактовка, которая на самом деле невозможна. Это слова *"вредит кому-нибудь"*. Мы сами всегда выбираем, повредит нам это или нет. Решаем мы. И никто иной. Говорил ведь тебе мой вампир, что ему будет плохо, если ты не разрешишь ему напиться кровушки. Это его решение, что ему будет плохо, это его выбор. А то, что ты делаешь по отношению к этому – есть твое решение, твой выбор: дать ему напиться твоей крови; не обращать внимания; связать его; проткнуть ему сердце осиновым колом. Если ему не понравится осиновый кол, он свободен защищаться любым способом, по своему желанию. И каждую секунду жизнь ставит тебя перед новым выбором".

"Если посмотреть на это с такой точки зрения..."

"Слушай", – сказал он, – "это очень важно. *Мы все. Свободны.*

Поступать. Так. Как. Мы того захотим".

В твоей жизни, все люди появляются, и все события происходят только потому, что ты их туда притянул. И то, что ты сделаешь с ними дальше, ты выбираешь сам.

"Дон, разве тебе никогда не бывает одиноко?" – мы сидели в кафе, в городке Раперсон, штат Огайо, когда мне пришлось в голову спросить его об этом.

"Я удивлен, что ты..."

"Тихо", – сказал я, – "я еще не закончил свой вопрос. Разве тебе никогда-никогда не бывает хоть чуть-чуть одиноко?"

"А что ты..."

"Подожди. Все эти люди, мы видим их всего несколько минут. Но иногда в толпе мелькнет лицо, появится прекрасная незнакомка, в глазах которой сверкают звезды, и мне хочется остаться и сказать ей: "Привет!", побыть в одном месте, просто отдохнуть от скитаний. Но вот десять минут в воздухе позади, если она вообще отважится на полет, и она исчезает навсегда, а на следующий день я улетаю в Борбайвиль и уже больше никогда ее не увижу. Мне одиноко. Но я думаю, что не смогу найти друзей, готовых к многолетней дружбе, если я сам не такой".

Он молчал.

"Или смогу?"

"Мне уже можно говорить?"

"Сейчас, да". Гамбургеры в этом кафе были до половины завернуты в тонкую пергаментную бумагу, и когда начинаешь их разворачивать, из нее сыпятся зерна кунжута, зачем их только положили? Но гамбургеры были хороши. Он некоторое время молча ел, и я принялся жевать, думая о том, что он скажет.

"Понимаешь, Ричард, мы – магниты. Нет, не так. Мы – железо, а вокруг нас обмотка из медной проволоки, и мы можем намагнититься, когда захотим. Пропуская наше внутреннее напряжение через провод, мы можем притянуть все, что захотим. Магниту все равно, как он работает. Он такой, какой есть, и по своей природе, он одни вещи притягивает, а другие нет".

Я съел ломтик жареной картошки и строго глянул на него. "Ты забыл сказать об одном, как мне это сделать?"

"Тебе не надо ничего делать. Космический Закон, помнишь? *Все подобное взаимопритягивается*. Просто будь самым собой, спокойным, светлым и мудрым. Все происходит автоматически. Когда мы выражаем в этом мире самих себя, ежеминутно спрашивая: действительно ли я хочу это сделать? и совершаем поступки, только если ответом будет искреннее "Да", – автоматически это отводит от нас тех, кто не может ничему от нас научиться и притягивает тех, кто может, а также тех, у кого есть чему поучиться нам".

"Но в это надо очень сильно верить, а пока все это случится бывает так одиноко".

Он странно посмотрел на меня. "Вера тут ни при чем. Никакой веры не надо. Необходимо лишь воображение". Он расчистил стол, отодвинув тарелку с картошкой, соль, кетчуп, вилки, ножи, и мне стало любопытно, что же произойдет, что материализуется тут, прямо у меня на глазах.

"Если у тебя воображение с это кунжутное зернышко", – сказал он, для наглядности бросив в центр опустевшего стола настоящее зернышко, – "для тебя нет ничего невозможного".

Я посмотрел вначале на зернышко, а потом на него. "Вот хорошо, если бы вы, Мессии, собрались бы как-нибудь вместе и договорились о чем-нибудь одном. Я-то думал, что если весь мир ополчается против меня, надо уповать на веру".

"Нет. В свое время я хотел исправить эту ошибку, но это оказалось не так-то просто. Две тысячи, пять тысяч лет назад, они еще не придумали слово "воображение", поэтому слово "вера" – это лучшее, что в те времена Мессии могли предложить толпам своих последователей, жаждавших святости. Кроме того, тогда не было кунжута".

Я знал наверняка, что кунжут тогда был, но пропустил эту наглуемую ложь мимо ушей. "Так я должен представить себе, что я намагничиваюсь? Мне надо представить, как некая мудрая мистическая красавица возникает в толпе наших пассажиров на поле в Таррагоне, штат Иллинойс? Я могу это сделать, но на этом все и закончится, все останется только в моем воображении".

Он беспомощно глянул на небеса, представленные в данный момент жестяным потолком с неоновой рекламой кафе "Эм и Эдна". "Просто в твоём воображении? Ну конечно, это твоё воображение! Весь этот мир – лишь твоё воображение, разве ты забыл? *"Где твои мысли, там твой опыт; Как человек думает, такой он и есть; То, чего я боялся, со мной и случилось; Мыслетворчество – хорошая работа и полноценный отдых; Быть самым собой – лучший способ найти верных друзей"*. Твое

воображение вовсе не меняет Абсолюта, и совершенно не влияет на истинную реальность. Но мы говорим о кино-мирах и кино-жизнях, где каждое мгновение иллюзорно и соткано из воображения. Все это сны, наполненные символами, которые мы, спящие наяву, вызываем в нашем воображении".

Он положил нож и вилку на одну линию, будто строил мост от себя ко мне. "Тебе интересно, о чем говорят твои сны? Также точно ты смотришь и на вещи, окружающие тебя наяву, и задаешься вопросом, о чем говорят они? Ты и твои самолеты, куда ни глянь, ты везде видишь их".

"Пожалуй, верно". Я мечтал о том, чтобы он хоть немного сбавил темп и перестал заваливать меня всем этим так сразу; тяжело поглощать новые представления с такой бешеной скоростью.

"Что означает для тебя сон, в котором ты видишь самолеты?"

"Свободу. Когда мне снятся самолеты, я ухожу от гнета реальности в полет и чувствую себя совершенно свободным".

"Насколько четко ты хочешь это ощутить? Сон наяву – это то же самое, ты освободишься от всего, что привязывает тебя: рутины, властей, скуки, земного притяжения. Ты пока не смог еще осознать, что ты уже свободен, что ты всегда был свободен. А если у тебя воображение размером с несколько кунжутных зерен... считай, что ты всемогущий волшебник, творящий свою собственную сказочную жизнь. Лишь воображение! Ну и сказал же ты!"

Официантка, протиравшая тарелки, время от времени странно поглядывала на него – кто он такой, чтобы говорить такие вещи?

"Поэтому тебе никогда не бывает одиноко, Дон?" – спросил я.

"Если я сам этого не захочу. У меня есть друзья, в других измерениях, которые навещают меня время от времени. Да и у тебя они есть".

"Нет. Я имею в виду это измерение, этот воображаемый мир. Покажи, мне что ты имеешь в виду, яви мне махонькое чудо такого магнита... Я очень хочу этому научиться".

"Это ты мне покажи", – сказал он. "Чтобы что-то пришло в твою жизнь, тебе надо представить, что оно уже там".

"Вроде чего? Вроде моей прекрасной незнакомки?"

"Да что угодно. Незнакомку потом. Для начала, что-нибудь попроще".

"Начинать прямо сейчас?"

"Да".

"Отлично... Голубое перо".

Он удивленно посмотрел на меня, ничего не понимая. "Ричард, какое голубое перо?"

"Ты же сказал, что угодно, кроме незнакомки, что-нибудь помельче".

Он пожал плечами. "Прекрасно. Пусть будет голубое перо. Представь себе это перо. Увидь его – каждую черточку, края, кончик, хвостик, пушок около основания. Всего лишь на минуту. Этого хватит".

Я на минуту закрыл глаза, и перед моим внутренним взором предстал четкий образ. Небольшое, по краям ярко-голубой цвет переходит в серебристый. Сияющее перо, плывущее во тьме.

"Если хочешь, окружи его золотистым сиянием. Обычно его используют при лечении, чтобы материализовать процесс, но оно помогает и при магнетизации".

Я окружил мое перо золотистым сиянием.

"Сделал".

"Отлично. Глаза можешь открыть".

Я открыл глаза. "Где мое перо?"

"Если ты его четко вообразил, в данный момент оно уже пулей летит тебе навстречу".

"Мое перо? Пулей?"

"В переносном смысле, Ричард".

Весь день я ждал, когда же появится это перо, но все напрасно. И только вечером, за плотным ужином из бутерброда с индейкой, я наконец увидел его. Рисунок и маленькая подпись на молочном пакете: "Упаковано компанией "Голубое перо", г. Брайон, штат Огайо".

"Дон! Мое перо!"

Он посмотрел и пожал плечами. "Я думал, что ты хочешь настоящее перо".

"Новичку любое подойдет, ведь правда?"

"А ты представлял себе только само перо, или то, что ты держишь его в руке?"

"Только само перо".

"Тогда все ясно. Если ты хочешь быть вместе с тем, что притягиваешь, тебе надо и себя ввести в эту картинку. Прости, что забыл тебе об этом сказать".

Мне стало немножко не по себе. Все получилось! Я впервые сознательно притянул в свою жизнь нечто!

"Сегодня перо", – заявил я, – "завтра весь мир!"

"Будь осторожен, Ричард", – предупредил он, – "а то можешь очень пожалеть".

Истина, которую ты изрекаешь, не имеет ни прошлого, ни будущего. Она просто есть, и этого для нее вполне достаточно.

Я лежал на спине под моим самолетом, вытирая масло с нижней части фюзеляжа. Почему-то сейчас из двигателя масла стало подтекать меньше, чем прежде. Шимода прокатил одного пассажира, а потом подошел и сел на траву рядом со мной.

"Ричард, как ты можешь надеяться поразить мир, если все кругом работают, чтобы заработать себе на кусок хлеба, а ты целыми днями лишь совершенно безответственно летаешь на своем захудалом бипланчике и катаешь пассажиров?" Он снова проверял меня. "На этот вопрос тебе придется отвечать не раз".

"Пожалуйста, Дональд. Во-первых: *Я существую вовсе не для того, чтобы чем-то поразить этот мир. Я существую для того, чтобы быть счастливым в этой жизни*".

"Отлично. А во-вторых?"

"Во-вторых: Для того, чтобы заработать себе на хлеб насущный, каждый волен делать то, что ему хочется. В-третьих: Ответственность – это способность отвечать за что-то, за тот образ жизни, который мы выбираем сами. И есть лишь один человек, перед которым мы должны держать ответ, и, конечно же, это..."

"Мы сами", – закончил за меня Дон вместо воображаемой толпы искателей истины, незримо рассеявшихся на траве вокруг нас.

"Человеку вовсе нет нужды держать ответ даже перед самим собой, если ему это не нравится... в безответственности нет ничего плохого. Но большинству из нас интересней знать, почему мы поступаем так, а не иначе, почему мы делаем именно такой выбор – любимся ли мы птицами в лесу, наступаем ли на муравья, или работаем ради денег, делая совсем не то, что нам хочется". Я поморщился. "Похоже получилось длинновато".

Он кивнул. "Даже слишком".

"Ладно... Как ты хочешь поразить мир..." Я закончил работу и удобно устроился в тени под крылом. "А как насчет: *"Я разрешаю миру жить, как ему хочется, и я разрешаю себе жить, как я сам того хочу"*".

Он расплылся в счастливой улыбке, явно гордясь мною.

"Ответ достойный истинного мессии! Просто, ясно, легко

запоминается и непонятно до тех пор, пока не поразмыслишь на досуге".

"Задай еще вопрос". Какое же наслаждение наблюдать за работой собственной головы, решающей мировые проблемы.

"Учитель", – сказал он. "Я жажду любви, я добр, я делаю другим то, что хотел бы получить от них, но, все равно, у меня нет друзей, я совсем одинок. Ну, что ты ответишь на это?"

"Понятия не имею", – ответил я. "Ни малейшего".

"ЧТО?"

"Это просто шутка, чтобы оживить компанию. Просто безобидная смена темы".

"Оживляя компанию, Ричард, будь очень осторожен. Ведь проблемы, с которыми люди к тебе приходят, им вовсе не кажутся забавными шутками, если, конечно, они не успели еще далеко уйти в духовном развитии, а те, кто уже ушел достаточно далеко, знают, что они сами себе Мессии. Тебе даются ответы, так что потрудись произнести их вслух. Попробуй только побаловаться с этим "Понятия не имею", и увидишь, сколько секунд толпе потребуется, чтобы поджарить такого шутника на костре".

Я гордо выпятил грудь. "Страждущий, ты пришел ко мне за ответом, так внимли: *Золотое Правило неприменимо*. Что, если бы ты встретил мазохиста, воздающего окружающим то, что ему хотелось бы получить от них? Или человека, почитающего Бога-Крокодила, мечтающего лишь о высочайшей чести быть брошенным ему на съедение? Даже тот самый Добрый Самаритянин, с которого все и пошло... С чего он взял, что человек, лежащий на обочине, хотел, чтобы его раны омыли и залечили? А может, преодолением этого испытания он хотел излечиться духовно? Лежал себе в пыли и тихо наслаждался".

Мне казалось, что я говорю очень убедительно.

"Даже если изменить формулировку Правила на: "Делай другим то, что они хотят получить", мы ничего не добьемся – ведь мы знаем только то, что от окружающих хотим получить мы. На самом деле Правило значит: *"Поступай со встречным так, как ты сам хочешь с ним поступить"* – и мы должны применять его с чистой совестью. Тогда тебе не придется стегать мазохиста его кнутом просто от того, что он об этом мечтает. И совсем ни к чему прикармливать крокодилов их почитателями".

Я посмотрел на Шимоду. "Слишком многословно?"

"Как всегда. Ричард, ты растеряешь девяносто процентов своих слушателей, если не научишься говорить кратко".

"А что плохого в том, чтобы потерять девяносто процентов моих слушателей?" – спросил я в ответ. "Что плохого, если я потеряю всех моих

слушателей? Я знаю то, что я знаю, и говорю то, что говорю. А если это плохо, ну что ж, ничего не поделаешь. Полет на биплане обойдется вам в три доллара наличными".

"А знаешь..." Шимода встал, стряхивая солому с джинсов.

"Что?" – недовольно спросил я.

"Ты только что сдал выпускной экзамен. Ну и как тебе – быть Мастером?"

"Разочарование и безысходность".

Он посмотрел на меня с неуловимой улыбкой. "К этому привыкаешь".

Очень легко проверить, окончена ли твоя миссия на Земле: Если ты жив – она продолжается.

Можно здорово устать, пока обойдешь магазин скобяных изделий, кажется, что полки тянутся и тянутся, исчезая в бесконечности.

В Хэйворде, я отправился в подобное рискованное путешествие в поисках гаек, болтов и шайб для хвостового костыля моего "Флита". Пока я рыскал в полумраке, Шимода терпеливо разглядывал товары – ведь ему-то, уж конечно, в этом магазине покупать было нечего. Вся экономика может рухнуть, подумал я, если все, подобно ему, будут сами из воздуха и мыслеформ создавать то, что им надо.

В конце концов я нашел желанные болты и отправился с ними к прилавку, где играла тихая музыка. "Зеленые рукава" – я полюбил эту старинную песню еще в детстве и всегда слушаю ее с удовольствием. Сейчас звуки лютни лились из спрятанных динамиков. Странно слышать ее в городке с населением в четыреста человек.

Еще удивительнее было то, что никаких динамиков там не было. Хозяин магазина сидел за прилавком, откинувшись на своем стуле, и слушал, как мессия играл на дешевой шестиструнной гитаре, взятой с одной из полок. Музыка звучала просто прекрасно, я, заплатив причитающиеся за болты 73 цента, тихонько стоял, зачарованный мелодией. Может быть, все дело в том, что струны дешевого инструмента чуть-чуть дребезжали, но, казалось, что она доносится из далекой средневековой Англии, укрытой туманами.

"Дональд, как здорово! Я не знал, что ты умеешь играть на гитаре!"

"Ты не знал? Значит ты думаешь, что, если бы Иисусу Христу дали гитару, он бы сказал: "Я не умею на ней играть?" Мог ли он так сказать?"

Шимода положил гитару на место и вышел со мной на улицу, залитую солнцем. "Или ты думаешь, что найдется хоть один Мастер, достойный своей ауры, который не понял бы человека, заговорившего с ним по-русски или по-персидски? Или что Мастер не может разобрать трактор или, скажем, управлять самолетом, если захочет?"

"Так ты действительно все это умеешь?"

"И ты тоже. Просто я знаю, что я знаю все".

"И я могу играть на гитаре так же как и ты?"

"Нет, у тебя будет свой стиль, не похожий на мой".

"Но как мне это сделать?" Я вовсе не собирался со всех ног бежать покупать гитару, просто мне было любопытно.

"Лишь убери то, что тебя сдерживает, откажись от своей веры в то, что ты не умеешь играть. Возьмись за нее, как будто это часть твоей жизни, что на самом деле так и есть, в одной из твоих других жизней. Знай, что ты прекрасно можешь на ней играть, и пусть твое бессознательное "Я" завладеет пальцами и начнет играть".

Я что-то читал об этом – обучение под гипнозом, когда гипнотизер говорит людям, что они – певцы и живописцы, и они поют и рисуют, как настоящие таланты. "Мне трудно, Дон, забыть то, что я не умею играть на гитаре".

"Тогда тебе будет трудно на ней играть. Потребуется годы учебы, прежде чем ты позволишь себе заиграть, прежде чем твое сознание скажет тебе, что ты достаточно намучался и уже заслужил наконец право играть хорошо".

"А почему же я быстро научился летать на самолете? Считается, что это очень сложно, но я схватывал все на лету".

"А ты хотел летать?"

"Больше всего на свете. Ничего другого просто не существовало. Я смотрел из кабины вниз на облака, на дым, поднимающийся по утрам из печных труб прямо в небо, и я видел... А-а, я тебя понял. Ты хочешь сказать: "К гитаре тебя так сильно не тянуло".

"К гитаре тебя так сильно не тянуло".

"Дон, у меня засосало под ложечкой, и это говорит о том, что именно так ты и выучился летать. Ты просто однажды сел в "Трэвел Эйр" и полетел. Никогда не сидел в самолете до тех пор".

"Надо же, до чего ты догадлив".

"И ты не сдавал летных экзаменов? Подожди. Да у тебя и полетной книжки нет. Обычной полетной книжки с разрешением".

Он странно посмотрел на меня, едва заметно улыбаясь, будто я поспорил, что у него нет книжки, а он знал, что она у него есть.

"Ты говоришь о бумажке? Такое разрешение?"

"Да, бумажка".

Он не полез в карман и не достал бумажник. Он просто раскрыл правую ладонь, и на ней лежала полетная книжка, как будто он носил ее, ожидая, когда же я про нее спрошу. Она была совершенно новой, даже не сложенной пополам, и я подумал, что еще десять секунд назад ее вообще не существовало.

Но я взял ее в руки и внимательно прочитал. Это было официальное удостоверение пилота, скрепленное печатью Министерства транспорта, выданное Дональду Уильяму Шимодэ, живущему в штате Индиана,

разрешающее ему управлять одно- и многомоторными самолетами, планерами и работать в качестве штурмана.

"А допуск к гидросамолетам и вертолетам?"

"Достану, если понадобится", – сказал он так таинственно, что я расхохотался еще раньше его. Парень, подметавший тротуар, посмотрел на нас и тоже улыбнулся.

"Слушай, а мне?" – попросил я. "Я хочу допуск к авиалайнерам".

"Свою полетную книжку будешь подделывать сам", – ответил он.

Во время радиопередачи Джефа Сайкса я вдруг увидел совершенно незнакомого мне Дональда Шимоду. Передача началась в девять вечера и шла до полуночи. Мы сидели в крохотной комнатке, заставленной катушками с рекламными заставками, записанными на пленку, кругом было полно каких-то кнопочек и циферблатов.

Беседу с нами Сайкс начал с того, что поинтересовался, не нарушаем ли мы закон, когда летаем по стране на старых самолетах и катаем пассажиров.

Ответ был прост. Ничего противозаконного в этом нет, и наши самолеты так же тщательно проверяются полетной инспекцией, как и реактивные лайнеры. Они надежней и безопасней, чем большинство современных самолетов из металла, и для полетов достаточно лишь получить лицензию и разрешение фермера использовать его поле. Но Шимода сказал совсем иное. "Никто не может помешать нам делать то, что мы хотим, Джеф", – ответил он.

Конечно же, он был прав, но в его ответе не хватало тактичности, а без нее не обойтись, когда выступаешь перед радиослушателями, интересующимися, с чего это мы тут разлетались на наших этажерках. Не прошло и минуты, как на пульте Сайкса замигал огонек телефонного звонка.

"Нам звонят по линии один", – сказал Сайкс в микрофон. "Слушаю вас, мадам".

"Я в эфире?"

"Да, мадам, вы в эфире, а в передаче принимает участие наш гость, летчик Дональд Шимода. Говорите, пожалуйста, мы все вас слушаем".

"Я хотела бы сказать этому парню, что вовсе не все делают то, что хотели бы, и что некоторым приходится работать, чтобы заработать себе на хлеб, и чувствовать ответственность, а не просто паясничать в воздушном балагане!"

"Люди, работающие ради куска хлеба, делают то, что им больше всего хочется", – сказал Шимода. "Так же как и те, кто зарабатывает свой хлеб играючи..."

"В Писании сказано: "В поте лица своего будешь ты добывать свой хлеб, и в печали будешь ты его есть".

"Мы вольны поступать и так, если захотим".

"Делай то, что можешь!" Мне надоели люди, вроде вас, твердящие: "делай то, что можешь!", "делай то, что можешь!". Из-за вас люди становятся совершенно необузданными, и они уничтожат мир. Они его уже уничтожают. Посмотрите только, что творится с растениями, реками и океанами!"

Она по крайней мере раз пятьдесят давала ему прекрасную возможность для достойного ответа, но он ни разу ей не воспользовался. "И прекрасно, если этот мир будет уничтожен", – сказал он. "Есть миллиард других миров, которые мы можем создать, или выбрать для себя. До тех пор, пока люди хотят держаться планет, у них будут планеты, пригодные для жизни".

Это вряд ли было рассчитано на то, чтобы успокоить собеседницу, и я, совершенно сбитый с толку, посмотрел на Шимоду. Он говорил, имея в виду перспективу многих и многих жизней, использовал знания, которые доступны лишь Мастеру. Эта женщина, естественно, считала, что разговор относится лишь к реальности данного единственного мира, который начинается рождением и заканчивается смертью. Он знал это... почему он не делал скидок?

"Так все, значит, распрекрасно?" – спросила она. "В мире нет зла, и вокруг нас никто не грешит? Вас, похоже, это не волнует".

"А тут нечему волноваться, мадам. Мы видим лишь крошечную частичку единой жизни, да и эта частичка иллюзорна. В мире все уравновешено, никто не страдает и никто не умирает, не дав на это своего согласия. Нет ни добра, ни зла вне того, что делает нас счастливыми и несчастными".

От его слов ей вовсе не становилось спокойней. Но внезапно она замолчала, а затем тихо спросила: "Откуда вы знаете все то, о чем говорите? Откуда вы знаете, что все это истинно?"

"Я не знаю, истинно ли все это", – ответил он. "Я просто в это верю, потому что это доставляет мне радость".

Я прищурился. Он мог бы сказать, что все это он уже попробовал, и все вышло... исцеление больных, чудеса, сама жизнь, в которой его учение стало явью, – это доказывает то, что слова его истинны и совершенно реальны. Но он промолчал. Почему?

Этому есть причина. Сквозь узенькую щелку между веками я едва различал в полумраке комнаты смутный силуэт Шимоды, склонившегося над микрофоном. Он говорил прямо в лоб, не давая никакой возможности выбора, не прилагая ни малейших усилий помочь бедным радиослушателям понять его.

"В истории мира, все, кто сыграл хоть какую-то мало-мальски важную роль, все, кто когда-либо испытал счастье, все, кто хоть что-нибудь подарил миру, были божественно эгоистичны, жили ради собственных интересов. Все без исключения".

Следующим в разговор вступил мужчина. Время в тот вечер летело очень быстро. "Эгоисты! Мистер, а вы знаете, кто такой Антихрист?"

На секунду Шимода улыбнулся и откинулся на спинку стула. Казалось, что он знал нового собеседника лично.

"Может быть, вы мне сами скажете?" – ответил он вопросом на вопрос.

"Христос говорил, что мы должны жить ради наших ближних. Антихрист говорит, будь эгоистом, живи ради себя, и пусть все катятся к чертям в ад".

"Или рай, или туда, куда они сами захотят отправиться".

"Вы очень опасны, вы знаете об этом, мистер? А что, если все наслушаются вас и начнут делать то, что они хотят? Что по-вашему случится тогда?"

"Я думаю, что тогда наша планета стала бы самой счастливой в этой части Галактики", – ответил Шимода.

"Мистер, мне не хочется, чтобы мои дети слышали ваши речи".

"А что хотят услышать ваши дети?"

"Если мы все свободны делать то, что захотим, значит, я могу прийти к вам на поле с моим дробовиком и прострелить вашу дурацкую башку".

"Конечно, вы вольны это сделать".

Было слышно, как трубка с грохотом упала на рычаг. Где-то в городе был по-крайней мере один рассерженный человек. Другие схватились за телефоны, на пульте ведущего разом замигали все лампочки вызова.

События вовсе не должны были развиваться именно так; он мог бы сказать те же вещи иначе, и не задевая их самолюбия.

Постепенно меня охватывало то же самое чувство, которое я испытал в Трое, когда толпа рванула к самолету и окружила Шимоду. Пора, явно пора нам было отправляться в путь.

"Справочник" там, в студии, мне совсем не помог.

Для того, чтобы стать свободным и счастливым, ты должен пожертвовать скукой. Не всегда такую жертву принести легко.

Джеф Сайкс рассказал всем, что наши самолеты стоят на поле Джона Томаса у дороги номер 41 и что мы спим там же, прямо у самолетов.

Я чувствовал, что на нас накатывают волны злости, исходящие от людей, которые боялись за нравственность своих детей, за будущее американского образа жизни, и это меня совершенно не радовало. До конца передачи было еще полчаса, а дела шли все хуже и хуже.

"А знаете, мистер, я думаю что вы – обманщик", – сказал следующий.

"Конечно, я – обманщик. Мы все обманщики в этом мире, все стараемся казаться не тем, что мы есть на самом деле. Мы – это вовсе не тела, разгуливающие по Земле, мы не состоим из молекул и атомов. Мы – идеи Абсолюта, которые невозможно уничтожить или убить, как бы сильно мы ни верили в смерть..."

Он бы сам первым напомнил мне, что я волен уйти, если мне не нравятся его слова, он посмеялся бы над тем, что мне мерещатся толпы, ждущие с факелами у самолетов, чтобы тут же разорвать нас на клочки.

Не расстраивайся, говоря: "До свидания". Необходимо попрощаться до того, как вы можете встретиться вновь.

А новая встреча, после коротких мгновений, или многих жизней, обязательно будет, если вы настоящие друзья.

На следующий день, когда солнце стояло в зените, а желающих покататься еще не было, он остановился у крыла моего самолета. "Помнишь, что ты сказал, узнав о моих проблемах, ну, что никто не хочет слушать, сколько бы чудес я не совершил?"

"Нет".

"А ты помнишь тот день, Ричард?"

"Да, день я помню. Внезапно, ты показался мне таким одиноким. Но я не помню, что тогда сказал".

"Ты сказал, если я завишу от того, волнует ли людей то, что я говорю, то мое счастье зависит от первого встречного, а не от меня самого. Я пришел сюда, чтобы узнать очень простую истину: *"Не важно, говорю я или нет"*. Я выбрал эту жизнь, чтобы рассказать людям, как устроен этот мир, но с тем же успехом я мог выбрать эту жизнь, чтобы вовсе ничего не говорить. Абсолюту не надо, чтобы я рассказывал всем о том, как устроен мир".

"Это и так ясно, Дон. Я мог бы тебе об этом сказать давным-давно".

"Ну, спасибо большое. Я нашел то, ради чего прожил эту жизнь, я закончил работу всей жизни, а он говорит: "Это и так ясно, Дон".

Он смеялся, но в то же время, он был печален, и тогда я не знал отчего.

Твое невежество измеряется тем, насколько глубоко ты веришь в несправедливость и человеческие трагедии. То, что гусеница называет Концом света, Мастер назовет бабочкой.

Слова, которые я прочитал в "Справочнике Мессии" накануне, были единственным предупреждением. День проходил как обычно. Я стоял на верхнем крыле моего "Флита", заливая бензин в бак, и с удовольствием поглядывал на небольшую толпу желающих прокатиться. Его самолет после посадки подрулил к ним и остановился, подняв своим широким винтом небольшой ураган. Но в следующую секунду раздался легкий хлопок, будто лопнула шина, и тут толпа сорвалась с места и побежала. Шины на "Трэвэл Эйр" были в полной сохранности, мотор, как и за секунду до этого, тихонько урчал на холостых оборотах, но в матерчатой обшивке фюзеляжа у пилотской кабины зияла большая дыра, Шимоду отбросило к дальней стенке, его голова свесилась вниз, а тело казалось совершенно неподвижным.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что Дональда Шимоду только что застрелили, еще секунду, чтобы бросить канистру, спрыгнуть на землю и рвануть к нему. Все было похоже на киносценарий, на сцену из любительского спектакля – человек с дробовиком в руках, убегающий вместе со всеми – он пробежал так близко от меня, что я легко мог бы дотянуться до него рукой. Теперь я вспоминаю, что мне на него было наплевать. Во мне не было ни ярости, ни удивления, ни ужаса. Главное, надо было как можно быстрее добраться до кабины "Трэвэл Эйр" и поговорить с моим другом.

Казалось, что у него в руках взорвалась бомба. Кожаная куртка и рубашка на левом боку были залиты кровью и свисали лохмотьями, видны глубокие раны, словом, алое месиво.

Его голова упиралась в правый нижний угол приборного щитка, возле ручки зажигания, и я подумал, что, если бы он пристегивался в полете, его бы так сильно не швырнуло вперед.

"Дон, ты в порядке?" Глупее вопроса не придумаешь.

Он открыл глаза и улыбнулся. Его лицо было мокрым от крови. "Ричард, как все это выглядит?"

Услышав, что он заговорил, я почувствовал огромное облегчение. Если

он может говорить, если он может думать, то с ним все будет в порядке.

"Слушай, приятель, если бы я не знал, кто ты такой, я бы сказал, что ты влип в историю".

Он не шевелился, только чуть-чуть повернул голову, и внезапно я снова испугался, больше его неподвижности, чем этого кровавого месива. "Я не знал, что у тебя есть враги".

"У меня нет. Это был... друг. Лучше, чем, если б... какой-нибудь возненавидевший меня бедняга... навлек на себя... всякие беды... убив меня".

Сиденье и стенки кабины были сплошь залиты кровью – придется немало потрудиться, чтобы снова отмыть "Трэвэл Эйр", хоть сам самолет практически не был поврежден. "Должно ли так было случиться, Дон?"

"Нет..." – тихо сказал он, едва дыша. "Но я думаю... мне нравится драма..."

"Ладно, давай быстрее! Исцеляйся! Судя по размерам толпы, нам сегодня придется много полетать!"

Но пока я подбадривал его шутками, несмотря на все свои знания и все свое понимание реальности, мой друг Дональд Шимода упал на ручку зажигания и умер.

В моей голове будто с грохотом что-то взорвалось, мир покачнулся, я соскользнул с крыла и упал в траву, залитую кровью. "Справочник Мессии" вывалился из кармана и раскрылся, ветер заиграл его страницами.

Я поднял его, не глядя. Неужели этим все и кончается?! – думал я, и все, что говорит Мастер, лишь красивые слова, которые не могут спасти его, когда на фермерском поле на него бросается какой-то жалкий бешеный пес.

Мне пришлось прочитать трижды, прежде чем я смог поверить, что на этой странице было напечатано:

Все в этой книге может оказаться ошибкой. Конец.

Эпилог

Когда пришла осень, я был уже на юге, улетел туда с теплыми ветрами. Подходящих полей там мало, но толпы с каждым днем становились все больше. Желающих прокатиться на биплане и раньше хватало, а в эти дни люди все чаще оставались поговорить со мной, посидеть у костра.

Время от времени кто-нибудь, кто не был так уж сильно болен, вдруг заявлял, что от нашего разговора ему становилось лучше, и на следующий день люди начинали странно на меня посматривать и из любопытства придвигались поближе. Не раз я улетал на рассвете.

Никаких чудес не случалось, хотя мой "Флит" стал летать лучше, чем прежде и расходовать меньше бензина. Масло больше не подтекало, а мошकारа уже не разбивалась о пропеллер и лобовое стекло. Несомненно, это от того, что похолодало, или эти кроши поумнели и заранее улетали с моей дороги.

Однако, одна река времени для меня остановилась в тот летний полдень, когда застрелили Шимоду. Подобного конца этой истории я не понимал и не мог в него поверить; это засело у меня в голове, и я тысячу раз переживал все заново, надеясь, что исход может каким-то образом измениться. Но он не менялся. Чему же я должен был научиться в тот день?

Однажды поздно вечером, в конце октября, когда я, испугавшись толпы, улетел из какого-то городка в штате Миссисипи, мне на глаза попала крошечная пустая площадка, которой едва хватило, чтобы посадить мой "Флит"...

Еще раз перед тем как заснуть, я принялся заново вспоминать ту последнюю секунду нашей встречи – почему он умер? Для этого не было причин. Если то, что он говорил, правда...

Теперь уж не с кем было поговорить, как бывало прежде, не у кого учиться, не на кого напасть и завязать словесную дуэль, не об кого оттачивать мой новый светлый ум. Самому с собой? Можно, но с Шимодой это было в два раза интересней, он учил меня, постоянно выбивая меня из равновесия своими приемами духовного каратэ.

Думая об этом, я уснул и увидел сон.

Он стоял на коленях, спиной ко мне, зашивая дыру в боку "Трэвэл Эйр", там, куда пришелся заряд дроби. На зеленой траве луга у его колена лежал рулон специальной авиаткани марки "А", стояла банка с авиалаком.

Я знал, что сплю, но я также знал, что все это происходит на самом

деле. "ДОН!"

Он медленно встал и повернулся ко мне, улыбнувшись при виде моего лица, на котором смешались печаль и радость.

"Здорово, приятель", – сказал он.

Слезы застили мне глаза. Смерти нет, смерти вообще нет, и передо мной стоял мой друг.

"Дональд! Ты жив! Чем ты тут занимаешься?" Я подбежал и обнял его, он был настоящим. Я чувствовал под пальцами кожу его летной куртки, слышал, как от моих объятий трещат его кости.

"Здорово", – повторил он. "Надеюсь, ты не возражаешь, если я залатаю эту дырку".

Я был так рад его видеть, что ничего невозможного для меня просто не было.

"При помощи заплатки и лака?" – удивился я. "Ты собираешься пришить заплатку...? Надо делать иначе, ты должен увидеть это место совершенно целым, представить, что все уже сделано..." Говоря это, я заслонил ладонью кровавую дыру с рваными краями, а когда убрал руку – дыра исчезла. Перед нами стоял самолет, сверкавший на солнце как зеркало, без единого шва на ткани фюзеляжа.

"Так вот как ты это делаешь!" – сказал он, в его темных глазах светилась гордость от того, что его не слишком уж блестящий ученик наконец-то научился творить реальность силой воображения.

Сам же я своим способностям не удивился; во сне, именно так и надо было поступить.

У крыла его самолета горел костер, над которым висела сковородка. "Ты что-то готовишь, Дон! Слушай, я никогда не видел, чтобы ты готовил. Что там у тебя на завтрак?"

"Оладья", – ответил он сдержанно. "Я напоследок решил показать тебе, как их надо жарить".

Он разрезал оладью пополам своим перочинным ножом и вручил один кусок мне. Когда я пишу эти строки, я все еще живо ощущаю ее вкус... словно опилки смешали со старым клейстером и разогрели в машинном масле.

"Ну как тебе?" – поинтересовался он.

"Дон..."

"Это страшная месть привидения", – засмеялся он. "Я ее сделал из гипса". Он положил свой кусок на сковородку. "Это, чтобы напомнить тебе – если ты когда-нибудь захочешь пробудить в человеке тягу к знаниям, делай это при помощи твоего понимания мира, а не при помощи твоих

оладьей, договорились?"

"НЕТ! Дон, любишь меня, так полюби и мои оладьи! Это же хлеб насущный!"

"Прекрасно. Но я тебе гарантирую, что если ты осмелишься кого-нибудь накормить твоим хлебом насущным, то первый же такой ужин станет твоей тайной вечерей, со всеми вытекающими последствиями".

Мы посмеялись, потом помолчали, я взглянул на него.

"Дон, с тобой все в порядке, да?"

"А ты, что же, думал, что я умер? Как не стыдно, Ричард".

"И это не сон? Я не забуду, что вижу тебя сейчас?"

"Нет. Это сон. Это другое пространство – время, а любое другое пространство-время – это сон для здравомыслящего землянина, каковым тебе остается пребывать еще некоторое время. Но этой встречи ты не забудешь, и это изменит твой образ мыслей и твою жизнь".

"А мы еще встретимся? Ты вернешься?"

"Не думаю. Я хочу выйти за пределы пространства и времени. По правде говоря, я уже вышел. Но между нами, между тобой и мной, и другими из нашей семьи остается связь: Если ты столкнешься с серьезной проблемой – засни, думая о ней, и, если хочешь, мы встретимся здесь, у моего самолета, и обсудим ее".

"Дон..."

"Что?"

"Но к чему был этот дробовик? Почему это случилось? По-моему, в том, что тебе прострелили сердце из дробовика не было ни славы, ни проявления могущества".

Он сел на траву у крыла. "Поскольку я не был всемирно известным Мессией, мне не надо было ничего и никому доказывать. А поскольку необходима тренировка в том, чтобы наш внешний вид не волновал нас... и не печалил ", – подчеркнул он последние два слова, – "для тренировки можно разок и истечь кровью. И это меня, к тому же позабавило. Когда умираешь, испытываешь такое чувство, будто в жаркий день ныряешь в глубокое озеро. Вначале шок от обжигающего холода, но боль длится лишь секунду, а затем ты принимаешь свой истинный вид и купаешься в настоящей реальности. Но я проделал это уже столько раз, что даже шока почти не чувствую".

Он помолчал, а потом поднялся на ноги.

"Лишь очень немногих интересует то, что ты можешь им сказать, но это нормально. Запомни, что об Учителе судят вовсе не по числу его учеников".

"Дон, я постараюсь, обещаю тебе. Но сбегу, как только это мне надоест".

Самолета никто не касался, однако, неожиданно, его пропеллер завертелся, двигатель чихнул облаком сизого дыма, а затем ровно загудел. "Обещание принято, но..." – он, улыбаясь, смотрел на меня, словно чего-то не мог понять.

"Принято, но что? Скажи. Вслух. Скажи мне. Что не так?"

"Ты не любишь толпу", – сказал он.

"Не люблю, когда она давит на меня. Я люблю поговорить и обмениваться идеями, но когда вспоминаю, как они тебе поклонялись, и эта зависимость... Я надеюсь, ты не просишь меня... Считай, что я уже сбежал".

"Может быть, я – полный дурак, Ричард, и может быть, я не вижу чего-то очевидного, что прекрасно видно тебе, и если так, то, пожалуйста, подскажи мне, но что плохого в том, чтобы записать это все на бумагу? Разве есть такое правило, которое запрещает Мессии писать то, что с его точки зрения истинно, что забавляет его, что помогает ему творить чудеса? И, может быть, тогда, если людям не понравятся его слова, они смогут просто их сжечь и развеять пепел по ветру, вместо того, чтобы стрелять в него самого. А если понравятся, то они смогут их заново когда-нибудь перечитать, или написать их на дверце холодильника, или воспользоваться идеями, которые им там приглянутся. Что плохого в том, чтобы их записать? Но, может быть, я – просто дурак".

"Значит, написать книгу?"

"А почему бы и нет?"

"А ты знаешь, сколько надо труда... Я обещал себе, что в жизни никогда больше не напишу ни единого слова!"

"А, вот в чем дело. Ну, тогда прости", – сказал он. "Ты, конечно, прав. Я просто этого не знал". Он встал на нижнее крыло и залез в кабину. "Ну, ладно. Как-нибудь увидимся. Счастливых полетов, и все такое. Смотри, чтобы толпа до тебя не добралась. Так ты уверен, что не хочешь написать книгу?"

"Никогда", – сказал я. "Ни единого слова".

Он пожал плечами и натянул летные перчатки, а затем потянул ручку газа, и мотор оглушительно взревел. Когда я проснулся под крылом моего "Флита", этот рев все еще звенел у меня в ушах.

Я лежал в безмолвии, царившем над этим полем, укрытом изумрудным пушистым ковром. Новое ласковое утро пришло в мир.

И тут, ради забавы, еще толком не проснувшись, я – один из почти

пяти миллиардов мессий, живущих на этой планете, взял свой бортжурнал и принялся писать о моем друге:

1. И пришел на эту землю Мессия, и родился он на священной земле штата Индиана...

Далеких мест не бывает

There's No Such Place As Far Away

История этой книги такова: больше двадцати лет назад маленькая девочка по имени Рэй Хансен, которой должно было исполниться 5 лет, пригласила своего друга Ричарда Баха к себе на день рождения. Она была уверена, что он придет несмотря на то, что ее гость жил по другую сторону горных хребтов, пустынь и бурь. О том, как он прибыл и какой подарок принес для Рэй, рассказывается в этой книге-притче.

Рэй!
Спасибо за приглашение
на твой день рождения!

Я путешествую только по очень важным причинам,
а твой день рождения — как раз такая.
И хотя тысяча миль отделяет твой дом от моего,
я отправлюсь в путь,
потому что хочу быть с тобой.

Путешествие я начал в сердце Колибри,
с которой и ты и я знакомы давно.
Колибри была, как всегда, дружелюбна,
но когда я сказал ей:
«Маленькая Рэй растет,
и я направляюсь на ее день рождения с подарком»,
она удивилась.

Долго летели мы в тишине,
и затем Колибри сказала:
«Я плохо понимаю то, что ты говоришь,
но я совсем не понимаю, что значит «НАПРАВЛЯЮСЬ» на
праздник».

«Конечно, направляюсь на праздник,
— ответил я. —
Разве это трудно понять?»

Колибри замолчала,
и лишь когда мы прибыли к дому Совы,
она сказала:
«Могут ли расстояния разделить нас с друзьями?
Если ты хочешь быть с Рэй,
разве ты уже не с ней?»

«Маленькая Рэй растёт,
и я направляюсь на её день рождения с подарком»,
— сказал я Сове.
После разговора с Колибри,
слово «НАПРАВЛЯЮСЬ»
звучало странно,
но я все равно произнес его,
чтобы Сова меня поняла.

Сова долго летела в тишине.
Эта тишина была дружелюбной.

Когда Сова приблизилась к дому Орла,
она сказала:
«Я плохо понимаю то, что ты говоришь,
но я совсем не понимаю,
почему ты называешь свою подругу МАЛЕНЬКОЙ».

«Конечно, она маленькая, —
сказал я, —
потому что она еще не взрослая.
Разве это трудно понять?»

Сова посмотрела на меня
глубокими янтарными глазами,
улыбнулась
и сказала:
«Подумай об этом».

«Маленькая Рэй растет,
и я направляюсь на ее день рождения с подарком»,
— сказал я Орлу.
Теперь,
после разговора с Колибри и Совой,
слова «НАПРАВЛЯЮСЬ» и «МАЛЕНЬКАЯ»
звучали странно, но я повторял их,
чтобы Орел меня понял.

Мы летели вместе над горами,
играя с горными ветрами.
В конце пути Орел сказал:
«Я плохо понимаю то, что ты говоришь,
но я совсем не понимаю
слова «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ».

«Конечно, день рождения
— сказал я. —
Мы будем праздновать час, с которого началась Рэй
и до которого ее не было.
Разве это трудно понять?»

Орел сложил крылья,
и мы опустились
на гладкую площадку среди песков пустыни.
«Время до начала жизни Рэй?
Не кажется ли тебе,
что скорее жизнь Рэй началась до того,
как появилось время?»

«Маленькая Рэй растет,
и я направляюсь на ее день рождения с подарком»,
— сказал я Коршуну.
И хотя после разговора
с Колибри,
и Совой,

и Орлом слова «НАПРАВЛЯЮСЬ»
и «МАЛЕНЬКАЯ»,
и «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ» звучали странно,
я опять повторил их,
чтобы Коршун меня понял.

Далеко над нами разливалась пустыня.
В конце пути Коршун сказал:
«Ты знаешь,
я плохо понимаю то, что ты говоришь,
на я совсем не понимаю
слова «РАСТЕТ».

«Конечно, растет, —
сказал я. —
Рэй все ближе к тому, чтобы быть взрослой,
и на целый год дальше от детства.
Разве это трудно понять?»

Коршун приземлился на тихий пляж.

«На год дальше от детства?
Это что-то непохоже на взросление!»
Он поднялся в воздух
и исчез.

Чайка, как я знал,
очень мудра.
Когда я летел с ней,
я обдумывал все очень тщательно,
стараясь подобрать верные слова.
Мне хотелось, чтобы Чайка,
когда я заговорю с ней,
поняла, что я чему-то научился.

«Чайка, —
сказал я, наконец, —
почему ты несешь меня к Рэй,
если знаешь,
что я уже с ней?»

Чайка сделала круг над морями,
над холмами
и улицами
и мягко опустилась на твою крышу.

«Потому, что очень важно, —
сказала она, —
тебе самому понять истину.
Пока ты не поймешь ее сам,
ты будешь жить только частью истины,
прибегая к помощи машин,
людей,
и птиц.
Но помни, —
сказала она, —
истина, даже не понятая тобой,

не перестает быть истиной».
И Чайка исчезла.

Теперь настало время
открывать твой подарок.
Время быстро приводит в негодность
дары из ткани и стекла,
и они уходят из нашей жизни.

Для тебя
у меня есть подарок получше.
Это кольцо,
которое ты сможешь носить всегда.
Оно искрится особым светом.
Это кольцо
нельзя забрать
и нельзя уничтожить.

И только ты
сможешь видеть кольцо,
которое я тебе дарю.
Так же, как я,
потому что, когда кольцо было моим,
я был единственным,
кто мог его видеть.

Это кольцо даст тебе новую силу.
Нося его,

ты сможешь летать вместе с птицами.

Ты сможешь видеть мир их золотистыми глазами,
ты сможешь касаться ветра,
что проносится сквозь их шелковистые перья,
ты сможешь познать радость парения
над миром и его заботами.
Ты сможешь оставаться в небе, сколько пожелаешь,
всю ночь до рассвета,
а когда ты захочешь вернуться,
на твои вопросы найдутся ответы,
и все тревоги исчезнут.

Как все,
до чего нельзя
дотронуться
или увидеть глазами,
твой дар будет набирать силу,
если ты им будешь пользоваться.

Сначала ты могла бы попробовать его на природе,
видя тех птиц,
с которыми летаешь.

Но позже, если ты научишься им пользоваться,
ты сможешь летать с птицами,
которых ты не видишь.
И наконец ты обнаружишь,

что тебе уже не нужно
ни кольца,
ни птицы,
чтобы летать над безмолвием облаков.

И когда этот день придет,
ты должна будешь отдать свой дар тому,
кто сможет ему научиться,
кто сможет понять,
что все важные вещи в этом мире сделаны
из истины и радости,
а не из ткани и стекла.

Рэй, это последний раз,
когда я прихожу к тебе в этот праздник,
постигая вместе с тобой
то, чему учат друзья-птицы.

Больше я не приду к тебе,
потому что я уже с тобой.

Я не могу тебя назвать маленькой,
потому что ты уже выросла,
играя,
как и мы все,
среди своих жизней,
просто радуясь бытию.

У тебя нет дня рождения,
потому что ты жила всегда;
ты никогда не рождалась, и никогда не умрешь.
Ты не ребенок тех людей,
которых ты зовешь матерью и отцом,
а их спутник
в путешествии к пониманию вещей.

Любой подарок друзей —
это пожелание счастья,
таким является и это кольцо.

Лети свободно и счастливо
вне рождений
в вечность,
и мы будем встречаться
сейчас и потом,
когда пожелаем,
среди праздника,
который не кончается никогда.